

ISSN 2413-6018

**НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР**

**Актуальные вопросы
гуманитарного знания**

Научно-методический журнал

**№ 1(10)
2018**

Киров 2018

**НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР**
**Актуальные вопросы
гуманитарного знания**

**№ 1(10)
2018**

Научно-методический журнал

Основан в 2012 г.
Выходит 3 раза в год

Учредитель:
Научно-редакционная группа
«Университет-Плюс»

Адрес издателя:
610046, г. Киров,
Октябрьский проспект, д. 54
тел. (8332) 49-60-59
сайт: www.univers-plus.ru
e-mail: univers.nauka@gmail.com

Адрес редакции:
610046, г. Киров,
Октябрьский проспект, д. 54
тел. (8332) 49-60-59

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА.....	5
Арзамасцева Н. Ю. (г. Курск) Лингвокультурная специфика идентификации фразеологических единиц ...	5
Буженинов А. Э. (г. Екатеринбург) Категория наук и отраслей в русском и французском языках (на материале LSP гомеопатии).....	8
Булатова А. М. (г. Екатеринбург) Фразеологизмы с компонентом «муха» в русском, французском и английском языках.....	16
Грудева Е. А. (г. Ставрополь) Философское обоснование развития когнитологии	21
Губанов С. А. (г. Самара) Когнитивные основы описания эпитета.....	25
Ковалевская С. А. (г. Тюмень) Матричный анализ литературного нарратива (на примере романа «Дочь снегов» и рассказа «Мужество женщины» Джека Лондона).....	29
Кузьменко О. Н. (г. Санкт-Петербург) Имена русских литераторов-эмигрантов во французской топонимике	33
Анна Нью (г. Москва) Особенности понятия «норма» в оценочной конструкции	42
Светлова О. Ю., Чжоу Хан (г. Киров) Особенности использования этикетных выражений в романах А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке».....	45
Цзян Янь, Редькина О. В. (г. Киров) Зооморфная метафора в языковом сознании китайских студентов (данные социолингвистического эксперимента).....	52

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	61
Борисова В. П. (г. Якутск) Нравственно-этические нормы традиционной культуры как фактор формирования межкультурной компетенции в неязыковом вузе.....	61
Героева Л. М. (г. Санкт-Петербург) Музей в воспитании гражданственности как метод театральной педагогики	66
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	74
Петухов В. Д. (г. Киров) Русская провинция в повести В. А. Соллогуба «Тарантас»	74
Черниговский Д. Н. (г. Киров) Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в СССР.....	80
Чжан Цзинна (г. Киров) Природа в дилогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании»	86
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	93

ЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

УДК 811

*Н. Ю. Арзамасцева (г. Курск)
Курский государственный университет*

Лингвокультурная специфика идентификации фразеологических единиц

Статья посвящена анализу особенностей идентификации фразеологических единиц немецкого языка в индивидуальном языковом сознании. Автор подробно останавливается на вопросе о различиях в «декодировании» фразеологических единиц естественных и «искусственных» носителей языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, индивидуальный лексикон, идентификация, опора, ключ, индивидуальное языковое сознание, психолингвистическое экспериментальное исследование

Цель статьи – отразить основные результаты исследования, направленного на выявление лингвокультурных особенностей, которые проявляются при выборе опор и ключей в процессе идентификации немецких фразеологических единиц (далее – ФЕ). Исследование проведено с применением лингвокогнитивного, психолингвистического и лингвокультурологического подходов.

Для достижения поставленной цели было проведено психолингвистическое экспериментальное исследование. Материалом исследования послужил корпус из 90 ФЕ, составленный методом сплошной выборки из авторитетных немецкоязычных источников (учебных и справочных изданий, словарей), а также экспериментальные данные (9530 субъективных дефиниций и ответов информантов). В эксперименте приняли участие 250 информантов: носители немецкого языка (студенты, аспиранты, представители различных профессий

из ряда населенных пунктов Германии и Австрии), а также русскоязычные информанты (50 человек), владеющие немецким языком на продвинутом уровне (студенты, аспиранты, преподаватели, переводчики из нескольких городов России). Возрастной диапазон испытуемых – 19–67 лет.

Полагаем, при определении лингвокультурных особенностей идентификации фразеологических единиц немецкого языка необходимо привлечь к исследованию русскоязычных информантов в качестве контрольной группы. В данном случае мы руководствовались идеей о том, что при исследовании лингвокультурного кода необходимо либо опираться на лексические единицы, содержащие некий культурный, национальный элемент (это могут быть, например, архаичные лексемы), либо провести сопоставительный анализ. Нами был выбран второй путь. Сравнение данных, полученных от русскоязычных и немецкоязычных информантов, позволило нам выявить лингвокультурные особенности идентификации фразеологических единиц в индивидуальном языковом сознании.

Сопоставительному изучению ФЕ в родственных и неродственных языках посвящено значительное количество работ [1, 2, 3, 4]. Полагаем, что только в сопоставительном аспекте можно говорить о целостном восприятии и понимании всех тонкостей идентификации ФЕ. Кроме того, представляют интерес и вопросы, касающиеся изучения различий в «декодировании» ФЕ естественными (в нашем случае – немецкоязычными (далее – НЯИ) и «искусственными» (в нашем случае – русскоязычными (далее – РЯИ) носителями языка.

Перейдем непосредственно к результатам эксперимента. Как показало проведенное исследование, несмотря на наличие универсальных ключей и опор, используемых представителями двух языковых сообществ, наблюдается лингвокультурная специфика в их использовании. Результат этой части исследования целесообразно представить в виде таблиц. Так, в таблицах 1 и 2 приведено количественное соотношение типов ключей и опор, используемых немецко- и иноязычными информантами при идентификации полностью (далее – ПИ) и частично идиоматизированных (далее – ЧИ) ФЕ.

Таблицы 1 и 2 демонстрируют, что всегда при доступе к ФЕ происходит «выход на контекст». Ключи и опоры чаще актуализировались ИЯИ. Однако, как показало экспериментальное исследование, представителями разных лингвокультурных сообществ могут быть активизированы одни и те

же стратегические средства доступа к ФЕ, но пути выхода на данные стратегии, ключи, опоры всегда индивидуально обусловлены.

Выбор стратегического материала, согласно нашему исследованию, складывается из учета целого ряда факторов, которые часто действуют интегрированно.

Таблица 1

Ключи, актуализируемые НЯИ и ИЯИ при идентификации ФЕ

Ключи	НЯИ		ИЯИ	
	ПИ ФЕ	ЧИ ФЕ	ПИ ФЕ	ЧИ ФЕ
Контекстуальный	100%	100%	100 %	100 %
Внутриязыковой	27%	29%	33 %	25 %
Межъязыковой	9%	1%	15%	17%

Таблица 2

Опоры, используемые НЯИ и ИЯИ при идентификации ФЕ

Опоры	НЯИ		ИЯИ	
	ПИ ФЕ	ЧИ ФЕ	ПИ ФЕ	ЧИ ФЕ
Опора на фонетический образ слова	20	25	18	15
Опора на графический образ слова	-	-	-	-
Опора на морфологические компоненты слова	11	7	6	11
Опора на внутренний контекст (микрконтекст)	7	17	38	24
Опора на перевод (переводное знание)	6	-	8	16
Опора на этимологическое знание	3	1	-	-

Таким образом, проведенное психолингвистическое экспериментальное исследование показало, что в процессе идентификации ФЕ носители различных языков используют в целом одинаковый набор идентификационных средств, которые при этом могут иметь количественные и качественные

отличия. Кроме того, на выбор стратегий, опор и ключей идентификации влияет степень идиоматизации ФЕ: информанты пользуются несколько отличающимися средствами при идентификации полностью и частично идиоматизированных ФЕ.

Литература

1. Белая А. С. Вопросы сопоставительного описания восточнославянских языков (на материале социальной терминологии) // Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории российско-белорусско-украинского пограничья. Новозыбков, 2012. С. 15–22.

2. Глазырин Р. А. О применении типологического и сопоставительного метода при анализе компаративных фразеологических единиц (на материале немецкого, английского и шведского языков) // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. Т. 61. М., 1971. С. 21–27.

3. Неведомская О. М. Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русскими: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 14 с.

4. Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (часть 5). С. 1057–1060.

УДК 81'362+811.161.1

А. Э. Буженинов (г. Екатеринбург)

Уральский государственный экономический университет

Категория наук и отраслей в русском и французском языках (на материале LSP гомеопатии)

Статья посвящена проблеме описания категории наук и отраслей в гомеопатической терминологии французского и русского языков. Категориальные исследования подязыков молодых областей знания, выявление средств вербализации формирующих их концептов являются актуальной проблематикой современного терминоведения. Посредством компонентно-дефиниционного и контекстуального видов анализа в статье показан гибридный характер исследуемой категории в силу совмещения обыденной и научной категоризации.

Ключевые слова: категория, категоризация, терминология, концептуализация, гомеопатия

Возникновение все большего числа новых наук, интеграция уже существующих областей знания приводит к насущной проблеме разработки грамотного и адекватного языка описания системы данных наук. Тезис Р. Карнапа о том, что всякая наука есть язык этой науки, давно принят на вооружение специалистами многих областей специального знания.

Поэтому одной из актуальнейших проблем современной науки о языке является проблема языка для специальных целей (ЯСЦ, или LSP (language for special purposes), противопоставляемого разговорно-обиходному языку (язык для общих целей, language for general purposes).

Под LSP мы будем понимать совокупность языковых средств, использующихся в какой-либо области профессионально-научных знаний и/или деятельности, служащую преимущественно для передачи предметной информации и отражающую понятийный аппарат данной науки (Н. Д. Андреев, А. С. Герд, Н. Б. Гвишиани, З. И. Комарова, В. М. Лейчик, L. Dépecker, P. Lerat, M. Slodzian, A. Hermans, L'Homme и др.). С позиций современного когнитивно-дискурсивного терминоведения LSP рассматриваются как особые когнитивно-коммуникативные пространства, в основе организации которых лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий [3, 4, 10 и др.].

При этом под категорией мы будем понимать концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта. Терминологический состав того или иного подязыка позволяет, благодаря категориально упорядоченной терминологии, структурировать саму научную систему знаний и практический опыт в данной сфере, транслировать этот опыт и аккумулировать специальные знания. Таким когнитивно-коммуникативным пространством мы можем считать и подязык гомеопатии – относительной новой области профессионального знания.

Задача данной работы – посредством компонентно-дефиниционного и контекстуального видов анализа охарактеризовать категорию наук и отраслей в молодой гомеопатической терминологии, описать основные концепты, формирующие данную категорию, и средства их вербализации в сопоставительном аспекте.

Одной из основополагающих категорий LSP гомеопатии можно считать категорию наук и отраслей в силу молодости гомеопатии как науки (официально появившись на рубеже XVIII и XIX веков, она впитала в себя

многое из смежных медицинских и немедицинских наук). Любая наука или ее ответвление в медицине в целом и в гомеопатии в частности обуславливают широкий спектр терапевтических подходов к лечению пациентов. Это в свою очередь является залогом появления все новых гомеопатических концептов, находящих выражение в терминологической системе данного подъязыка и образующих в совокупности сложную ментальную сущность – категорию наук и отраслей.

Проследим за функционированием этой категории в русском и французском языках в сопоставительном аспекте. При этом исходным постулатом будем считать следующий: LSP как научный дискурс состоит не только и не столько из собственно терминологических единиц, но включает в себя и общенародный лексикон, неизбежно присутствующий в научном тексте и играющий свою роль в категоризации и концептуализации знаний. Данный принцип в неявном виде рассматривался и задолго до появления когнитивного терминоведения. Как указывал еще Г.-Г. Гадамер, «терминологическое употребление сплетается с живой речью» [2, с. 482]. Поэтому мы выделяем в качестве системообразующих языковых единиц отраслевую терминологию, общенародный лексикон и узкоспециальную терминологию.

Второй важный принцип заключается в необходимости исследования не только словарной, тезаурусной гомеопатической литературы (сфера фиксации термина), но и фрагментов монографий, пособий, учебников по гомеопатии (сфера функционирования терминов). Х. Сейгер говорит о том, что «термины могут изучаться независимо от какого бы то ни было лингвистического контекста в качестве инструментов классификации, предназначенных для структурирования знания, а также в соответствии с той ролью, какую они играют в коммуникации как элементы дискурса» [11, с. 40–41].

Фактический материал показал, что категория наук и отраслей формируется за счет одноименного концепта, включающего в себя оппозицию гомеопатических наук и отраслей и негомепатических (вспомогательных, родовых для гомеопатии). При этом в обоих сравниваемых языках доминирующее положение занимает **отраслевая терминология**, вербализующая понятия данного концепта: 38 единиц из 62 в русском языке (61,9%); во французском языке – 40 единиц из 57 (70,1%).

Многие термины репрезентируют понятия, связанные со смежными науками медицинского цикла, без которых гомеопатия не имела бы своего

современного статуса. Гомеопатические источники многое говорят о самой гомеопатии как науке и ее ответвлениях, однако невозможно обойтись и без родовых наук, послуживших гомеопатии основой и опорой; с другой стороны, гомеопатия, позиционируя себя как медицину практического толка, вынуждена прибегать к описанию применения своих лечащих средств в тех или иных болезненных состояниях, каждое из которых изучает своя наука (применение гомеопатии в стоматологии, педиатрии, кардиологии и т.п.): «Aujourd'hui, alors que nous disposons de connaissances en *biochimie et histopathologie*, avons-nous le droit de les ignorer?» [9, с. 162].

Между гомеопатическими картинами мира французских и отечественных специалистов, безусловно, существуют определенные различия, находящие отражение в соответствующем пласте терминологической лексики. Будучи в России менее развитой, чем на своей родине за рубежом, гомеопатия обогащает русскоязычный гомеопатический LSP в основном наименованиями наук и отраслей более практического либо академического медицинского толка (*офтальмология, хирургия, акупунктура, кардиология, гинекология, патологическая анатомия, косметология* и др.). Более развитая во Франции, гомеопатия сравнивается со многими теоретическими дисциплинами, а также, в особенности, с различными ответвлениями биологии: биохимией, биотипологией, хронобиологией: «La vocation de *biotypologie* est l'étude du type humain vivant; elle établit les corrélations entre la forme, la physiologie et le psychisme, à la recherche d'une certaine unite de l'homme...» [12, с. 151].

Впрочем, коль скоро отечественная гомеопатия в основном вырастает на почве зарубежных исследований, многие концепты, репрезентирующие понятия о науках и отраслях, зачастую заимствуются: *naturopathie / натуропатия, La médecine antroposophique / антропософская медицина*: «В антропософской медицине, основанной Р. Штайнером, показания и применение лекарственных средств основываются на сущностном образе, который возникает из изучения субстанции или растения и процесса течения болезни. Полагается, что между человеком и миром природы существует познаваемое сущностное родство» [5, с. 28].

Говоря об отраслевой терминологии, нельзя не отметить, что этот пласт является наиболее спорным, обладает множеством трактовок и толкований, аккумулированных специалистами в ходе многолетнего опыта. Сле-

дующий пласт, наиболее специфичный, – **узкоспециальная терминология** (собственно гомеопатическая) – вызывает меньше споров и разногласий. Очевидно, необходимо определенное время для ассимиляции этих понятий, которые составят основу для дальнейшего осмысления и переосмысления явлений. В объективации представленной категории гомеопатическая терминология занимает второе место: в русском языке – 20 единиц (31,7%), во французском языке – 15 единиц (26,3%).

Здесь мы можем говорить о большем изоморфизме между двумя гомеопатическими картинами мира. Основные понятия рассматриваемой категории вербализуются тождественным способом: это названия наук (*гомеопатия* и *аллопатия*, к которой традиционно относится все, что не является гомеопатией) и отраслей гомеопатического знания (гомеопатические школы: *уницизм* (*unicisme*), *плюрализм* (*pluralisme*), *комплексизм* (*complexisme*) и т.д.

Важный пункт, который не может игнорировать исследователь, работающий с категориями в специальных подъязыках, выражается в способности к взаимовлиянию категорий, что обеспечивается, впрочем, языковыми возможностями (см., напр., в [8]). Так, многие термины, будучи единицами языка, способны вовлекать вербализованное ими понятие как в одну категорию, так и в другую. Для сравнения мы можем рассмотреть концепт «болезнь» (*maladie*), содержание которого традиционно относится в медицинском подъязыке к категории состояний. Однако с развитием научных знаний о различных патологиях ситуация несколько изменилась: зачастую можно встретить высказывания и дефиниции, судя по которым понятие «болезнь» может быть отнесено и к категории процессов. Так, в «Словаре терминов, используемых в гомеопатии» приводится следующее определение термина «болезнь»: «*Болезнь* – любое ухудшение в состоянии здоровья, имеющее свою причину, а также распознаваемые объективные и субъективные признаки (симптомы); любая аномалия развития организма или неправильное его функционирование» [6, с. 5]. Здесь мы видим динамическое, процессуальное понимание болезни; она связана в первую очередь с процессами: *функционирование, развитие, ухудшение*.

Подобное смешение категориальных признаков мы находим и в рамках категории наук и отраслей. Само фундаментальное понятие «гомеопатия» (*homéopathie*) не всегда имеет четкое определение как науки: «**Гомеопатия** – это информационная адаптационная **терапия** с помощью потенци-

рованных препаратов, требующая индивидуального подбора по принципу подобия» [7, с. 79]. Такая трактовка исходит из понимания гомеопатии сугубо как метода, процесса лечения. Поэтому вводится другой термин, более точно отражающий разницу между гомеопатией-наукой и гомеопатией-лечением: *homéopathie / homéothérapie* (гомеопатия / гомеотерапия): «*L'homéopathie devrait s'appeler homéothérapie, c'est-à-dire la thérapie par le semblable*» [9, с. 199].

Такое же различие терминов наблюдается и в русскоязычном гомеопатическом дискурсе, что отчетливо показывает дифференцированный характер категорий: «*Гомеопатия* – способ лечения болезней, заключающийся в применении малых доз тех лекарств, которые в больших дозах вызывают у здорового человека признаки данной болезни». Ср. также: «*Гомеотерапия* – лечение по законам гомеопатии» [6, с. 8–9]. В первом случае мы имеем термин, вербализующий понятие о гомеопатии как науке и относящий, следовательно, это понятие к категории наук и отраслей. Во втором случае термин «*гомеотерапия*» (*homéothérapie*) репрезентирует понятие о целенаправленной деятельности и включает это понятие в категорию процессов.

Таким образом, пласт узкоспециальной терминологии имеет наименьшее количество концептуальных различий в сравниваемых языках. Основаны эти различия прежде всего на экстралингвистических факторах, выражающихся в нашем случае в том, что в отечественной гомеопатии сложились одни школы, в зарубежной – другие.

Третий, самый малочисленный пласт лексики – это **общенародные слова**. Как показывают современные исследования, общенародная лексика в профессиональных подъязыках играет важную роль (см., напр., в [1]). Следует отметить, что доля таких лексических единиц в концептуализации и категоризации ничтожно мала в рамках данной категории. В то же время этим лексическим пластом нельзя пренебрегать, поскольку обыденное знание сосуществует с экспертными знаниями, научными таксономиями, что демонстрирует способность индивида к множественной концептуализации объекта.

В русском языке данный лексический пласт представлен 4 единицами (6,4%), во французском – 2 (3,6%). Данные наименования отражают обыденное представление, обыденный взгляд на медицину, на итоги лечения: *традиционная и нетрадиционная медицина, доказательная и недоказательная медицина*: «На самом деле существует только одно общепринятое деление ме-

дицины – на *доказательную и недоказательную*. По мере накопления научных данных относительно основ гомеопатии она постепенно входит в рамки *доказательной медицины*» [7, с. 7]. Во французском языке частотен любопытный общенародный концепт *médecine douce*, включающий в свой объем различные отрасли медицины и терапевтические практики, в том числе и гомеопатию. Терминологическим аналогом данного понятия может служить отраслевой термин *naturopathie* (в русскоязычном гомеопатическом дискурсе – *натуропатия*). Так, на базе обыденных представлений, вербализуемых языком, возникают и научные концепты, определяя сложную диалектическую взаимосвязь разных типов знания в построении научной картины мира.

Подводя итоги, отметим, что сопоставительное изучение категории наук и отраслей в сравниваемых языках представляет больше признаков сходства, нежели различия. Это не удивительно: научная картина мира по сути своей интернациональна, и понятийный аспект терминологий в разных языках проявляет тенденцию к изоморфизму. В рамках изучаемой категории мы увидели, что большинство понятий вербализовано отраслевыми и узкоспециальными терминами, что говорит о том, что концептуализация и категоризация происходят на нижележащем уровне категоризации, а таксономическая глубина средств вербализации меняется при категоризации в сторону спецификации.

Средства вербализации выявленных концептов свидетельствуют о том, что в концептуализации исследуемой категории участвует как **научная**, так и **естественная (языковая) категоризация**, вследствие чего гомеопатическая категория наук и отраслей является **гибридной**, совмещающей оба типа категоризации.

Разные типы знаний взаимодействуют между собой: обыденные знания как опережающие и опосредующие включаются в научное познание, и оба вида знания используются в профессиональной деятельности, формируя профессиональное знание. Преднаучные знания говорят о неполной сформированности терминосистемы гомеопатии в наши дни и вместе с тем о кумулятивном характере формирования терминосистемы гомеопатии, сохранившей «следы» истории гомеопатии.

Говоря о различиях, выявленных в ходе анализа категории наук и отраслей в исследуемых языках, следует отметить, что касаются они преимущественно концептуальных подходов различных гомеопатических школ к

своему предмету исследования. Отечественная гомеопатия, в большей степени ориентированная на медицинскую практику, в своем подъязыке охотнее пользуется корреляцией гомеопатии с отраслями медицинского знания, его прикладными ответвлениями; французский же гомеопатический подъязык изобилует наименованиями дисциплин биологического цикла, а также теоретических отраслей знания (*antroposophie, phenomenologie, holisme*).

Таким образом, если количественные показатели концептуализации и категоризации в русском и французском подъязыках гомеопатии не разнятся существенно, то качественные, сугубо концептуальные различия имеют место быть и отражают различное осмысление научных гомеопатических картин мира.

Литература

1. Андреева М. И. Структурно-семантический анализ эмотивов в профессиональных подъязыках // Сопоставительная лингвистика. 2013. № 2. С. 5–7.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. 224 с.
4. Лукина О. И. Особенности метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии // Сопоставительная лингвистика. 2016. № 5. С. 111–117.
5. Михайлов И. В. Гомеопатия. Гомеопатические препараты: справочник. М.: Астрель, 2010. 239 с.
6. Песонина С. П., Линде В. А., Васильев Ю. В. и др. Словарь терминов, используемых в гомеопатии. СПб.: Центр гомеопатии, 2004. 36 с.
7. Симеонова Н. К. Гомеопатия: учебник. М.: ООО «Рекон», 2008. 432 с.
8. Соколова О. Л. Парадоксальность значения вещественности // Сопоставительная лингвистика. 2016. № 5. С. 83–86.
9. Dobrescu D. Pharmacologie homéopathique générale. Editions Similia, 2011. 260 p.
10. L'Homme M.-C. La terminologie: principes et techniques. Montréal, Presses universitaires de Montréal, 2016. 280 p.
11. Sager J.-C. Pour une approche fonctionnelle de la terminologie / Le sens en terminologie. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2000. P. 40–61.
12. Sananès R. Homéopathie et langage du corps. Paris: Ed. Robert Laffont, 1982. 362 p.

Фразеологизмы с компонентом «муха» в русском, французском и английском языках

Статья выполнена в русле лингвокультурологии и посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов, включающих компонент «муха», в русском, французском, английском языках.

Ключевые слова: фразеологизм, картина мира, русский язык, французский язык, английский язык

В контексте современных лингвокультурологических исследований такой пласт языковых единиц, как фразеологизмы, представляется наиболее специфичным в культурном отношении. По меткому определению В. Н. Телия, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [8, с. 9].

Фразеологический состав того или иного языка, таким образом, может быть представлен как вербальный эквивалент фразеологической картины мира, являющейся универсальной, свойственной всем языкам образной системой особых устойчивых вербальных единиц, передающих особенности национального мировидения.

Каждый носитель языка владеет общими фоновыми знаниями, связывающими культурно маркированные единицы языка с элементами культуры. Научная картина представляется как вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества [4, с. 8]. Языковая и научная картины мира существуют параллельно, из чего можно понять, что фразеологическая картина мира носителя одного языка может не совпадать с соответствующей картиной мира носителя другого языка.

Одним из наиболее перспективных и пока недостаточно разработанных направлений в современной науке является сопоставительное исследование фразеологизмов (см., в частности, [2, с. 12]). В последнее время сопос-

тавительному исследованию французской и русской лингвокультур сквозь призму фразеологизмов этих языков посвящен ряд работ [1, 3, 7, 10 и др.].

Предметом данной статьи являются фразеологизмы с компонентом-инсектонимом в русском, французском и английском языках. На примере инсектонима *муха / mouche / fly* посредством компонентно-дефиниционного анализа мы попытаемся выявить сходства и различия в семантике данных фразеологизмов.

Нами было отобрано 43 фразеологизма методом сплошной выборки из словарей: А. Г. Назарян «Словарь устойчивых сравнений французского языка» [6]; А. И. Фёдоров «Фразеологический словарь русского литературного языка» [9]; А. В. Кунин «Англо-русский фразеологический словарь» [5].

Выявленные особенности исследуемых фразеологических единиц позволяют, во-первых, определить ту информацию, которая концептуализируется посредством исследуемых ФЕ в трех языках; во-вторых, увидеть обусловленные разными лингвокультурами сходства и различия в этой концептуализации.

Так как научная картина мира непосредственно связана с языковой картиной мира, можно сделать вывод, что языковые картины мира имеют некие сходства. Они обусловлены культурными, историческими событиями.

Фразеологическая единица *мухи не обидеть (ne pas faire de mal à une mouche / wouldn't hurt a fly (harm))* существует как в русском, так и во французском и английском языках. Этот фразеологизм используется для обозначения тихого, безобидного человека, данное значение обусловлено тем, что муха в трех культурах представляется как маленькое слабое создание, которое легко причинить вред.

Фразеологизм *считать мух (gober / attraper les mouches)* имеет негативную коннотацию и имеет семантику 'глазеть по сторонам, бездельничать'. Значение фразеологизма обусловлено тем, что муха имеет маленький размер, и чтобы считать мух, нужно прилагать усилия, а значит, не делать ничего другого.

Значение устойчивого сочетания *белые мухи (des mouches d'hiver)* – 'падающий снег, хлопья снега'. Мухи в обеих культурах представляются беспорядочно, хаотично двигающимися существами, поэтому они сходны со снегом, витающим в воздухе.

Оборот *слышно, как муха пролетит* соответствует французскому *on entendrait voler les mouches*. Значение, которое передается данной фразеологической единицей, – ‘полная тишина’. Этимология фразеологизма дает нам понять, что в обеих культурах это насекомое воспринимается как тихое, маленькое существо.

Французская фразеологическая единица *quelle mouche vous a piqué?* тождественна русскому *какая муха вас укусила?* и означает странное поведение собеседника. Этимология устойчивого сочетания содержит информацию о старинном поверье, которое гласило, что муха кусает из-за того, что в нее вселяются злые силы. Если же рассматривать основу фразеологизма с научной точки зрения, можно предположить, что он возник по причине неадекватного поведения скота после укуса насекомого.

Русский фразеологизм *мрут как мухи* имеет аналог во французском языке: *mourir/tomber/crever comme des mouches*, который означает ‘умирать в большом количестве’. Таким образом, компонент *муха* в двух лингвокультурах отражает представление о слабом, нежизнеспособном существе.

Несмотря на сходство языковых картин мира, у каждой языковой общности имеются и специфические представления о действительности, что обусловлено различными факторами: территориальными, историческими, национальными и т.д.

Эквивалент русского *делать из мухи слона* – *la moindre mouche qui le piquera sera un taon*. Муха в понимании носителей двух культур представляется крошечным насекомым. Значение, которое передается фразеологизмом: ‘преувеличивать, придавать чему-либо чрезмерно большое значение’. В русском варианте фразеологизма контраст выражен в большей степени, так как муха «превращается» в слона – животное значительно более крупное, чем насекомое. В аналогичном французском устойчивом выражении контраст менее заметен: муха сопоставляется со слепнем (*un taon* – «слепень»). Различие аналогичных по значению фразеологизмов в двух языках связано со степенью преувеличения. Данное наблюдение позволяет выдвинуть предположение о том, что носители русского языка в своем речевом поведении склонны к масштабному преувеличению, в то время как французы более сдержанны.

Английский фразеологизм *the fly in the ointment* эквивалентен выражениям *ложка дегтя в бочке меда* / *un main de fer dans ce gant de velours*. До-

словно английская фразеологическая единица переводится как «муха в мази». Сопоставление ее с русским выражением позволяет заключить, что муха в национальной картине англичан представляется некой проблемой. Эта языковая единица передает негативное значение маленького существа как источника больших проблем. В русской и французской лингвокультурах такое значение не передается.

Табуированное выражение *Like a blue-arsed fly* в англо-русских словарях переводится как «чрезвычайно занятый», что не в полной мере передает значение фразеологизма. Этот перевод имеет описательный характер, не отражающий семантику компонентов, входящих в оборот. «*Like a blue-arsed fly*» можно перевести на русский язык фразеологизмом «петух клюнул», что означает активные действия после определенных событий, возникших вследствие долгого откладывания проблемы, нежелания ею заниматься. Нельзя сказать, что эта русская фразеологическая единица и есть эквивалент английского выражения. Данный фразеологизм имеет свое уникальное значение.

A fly on the wall – также фразеологизм, не имеющий аналога в русской и французской лингвокультурах. Он означает ‘тайно, незаметно наблюдать’, следовательно, английская лингвокультура представляет мух как незаметных, скрытных существ.

Проанализированный материал позволяет увидеть, что во французском языке фразеологические единицы с компонентом *муха / mouche / fly* функционируют для выражения следующих понятий: бездельничество, тишина, странное поведение собеседника, а также для передачи идеи преувеличения, что характерно для русского языка. Сопоставление данных французского, английского и русского языков показывает, что фразеологические единицы служат для выражения понятия о безобидном человеке. Анализ английских фразеологических единиц показывает, что английские устойчивые выражения служат для выражения тайного наблюдения, побуждения к действию.

Таким образом, мы выявили сходства и различия в семантике фразеологизмов. Значения некоторых устойчивых оборотов совпадают в разных языках, другие же отражают национальное мировидение. Перспективы данного исследования связаны с всесторонним исследованием фразеологизмов, содержащих компонент-инсектоним, в сравниваемых языках с целью выяв-

ления сходств и различий в данном фрагменте картины мира в русской, французской и английской лингвокультурах.

Литература

1. Акименко А. В. Фразеологизмы с компонентом «зооним» в русском и французском языках // Аллея науки. 2017. № 9. С. 473–475.
2. Богоявленская Ю. В., Буженинов А. Э. Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 11–18.
3. Буженинов А. Э., Загоскина П. А. Номинация моральных качеств личности во фразеологизмах-библейзмах (на материале русского, французского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1(72). С. 68–72.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
6. Назарян А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М.: Изд-во РУДН, 2002. 334 с.
7. Смирнова Г. В. Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // Вестник МГЛУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 12. С. 197–204.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
10. Khrutskaya A. Paremiological representation of the image of man in national picture of the world (on the material of French and Russian languages) // Сопоставительная лингвистика. 2017. № 6. С. 90–98.

Философское обоснование развития когнитологии

В статье предпринята попытка систематизировать историю развития когнитивной науки. Представлены предпосылки формирования когнитологии от формальной логики и концептуального анализа. Оба эти течения оказывали и продолжают оказывать влияние на современную философию, обогащенную новыми открытиями в области естественных и точных наук. Точность современных данных совершенно не противоречит различного рода логическим обоснованиям, и кроме того, современные научные изыскания зачастую открыто используют законы логики и обогащают её в контексте современной когнитивной парадигмы.

Ключевые слова: философия, логика, когнитология, язык, социокультурная парадигма

Основы лингвистики, как и любого научного знания, заложены прежде всего в философском учении. Поворотным моментом в развитии философии XX века стало возрождение логики, что сыграло большую роль в развитии такого направления, как английская аналитическая философия. Возрождение логики в западной цивилизации имело место дважды: впервые – в античной Греции IV–III вв. до н.э.; позже – в эпоху христианского Средневековья, с середины XII до середины XIV столетия, когда получили распространение такие части «Органона» Аристотеля, как «Аналитика», «Топика», «О софистических опровержениях» [2, с. 80]. Период с середины XIV до середины XIX столетия известен как время пятисотлетней стагнации, что позволило И. Канту утверждать, что после Аристотеля логика «не могла сделать ни одного шага вперед и, по-видимому, имеет совершенно замкнутый, законченный характер» [3, с. 82].

Содержательная сторона формально-логических исследований заключается в том, что в соответствии с моделью этой логики изучаются понятия. Очевидно, что логика изучает их, но не с точки зрения их отношения к внешнему миру, а с точки зрения внутренних отношений: когерентности или противоположности, то есть представляет собой концептуальный анализ [2, с. 81]. Концептуальность раскрывается или с помощью аристотелевских

определений родо-видовых отношений, или путем моделирования концептуальных полей, структурные характеристики которых придают значение / значимость исследуемым сущностям.

Нельзя не отметить тот факт, что в зависимости от социокультурной окраски той или иной эпохи на первый план выходит тот или иной логический аспект. Так, открытие логоса в IV–III вв. до н.э. привело к бурному развитию софистики, которая определяется как «сознательное применение в споре или в доказательствах неправильных доводов, всякого рода уловок, замаскированных внешней, т.е. формальной правильностью» [6, с. 439]. Анализ практики подобного рода положил начало новым традициям, известным как сократическая философия, а позже привел к таким способам исследования форм мысли, которые впоследствии были ассоциированы с логикой.

Социокультурную ситуацию последующего периода связывают с установлением христианства в Европе и расцветом средневековой схоластики – «школьной философии» [6, с. 470]. Внимание схоластов было обращено к проблемам герменевтического толка, а именно к толкованию и уяснению содержания текстов Священного писания и других христианских текстов. Объектом интерпретационно-герменевтического анализа схоластов были имена и стоящие за ними понятия. Используя современную лингвистическую терминологию, можно сказать, что это был «концептуальный анализ», проведенный на основе методики субстантивной субституции. Схоласты именовали такие субституции «суппозициями» и тщательно разделяли их по родо-видовым признакам и функциям взаимного или однонаправленного замещения.

Необходимо отметить, что софистика античности, основанная на использовании языка как логоса, т.е. как инструмента спора, убеждения и доказательства, в дальнейшем привела к возникновению таких дисциплин, как логика и грамматика. Это проявилось позднее в логике Пор-Рояль «Логика или искусство мыслить» (1662 г.), которая представляет собой «методологию» или, как указано в названии, «пособие для развития мышления», а также в различных практических классификациях частей речи.

Философская традиция Аристотеля была поставлена под сомнение в XIV в., когда наступил период общего упадка интеллектуальной культуры христианской Европы. Последующие два столетия ознаменовались дальнейшими разочарованиями в учении Аристотеля, вызванными открытиями

Галилея в новой математической и детерминистской физике, а затем – Декарта и Лейбница, которые «своим дуализмом подвели более-менее надежный фундамент под галилеево научное естествознание» [4, с. 42].

Новая картина мира основывалась на природных явлениях в точном математическом измерении, а также на объясненных, интерпретированных, понятных для того времени теориях. Однако любое новое явление в истории научной парадигмы приводит к забвению прежних привычных идей и теорий. Наука логики оказалась в их числе, она была забыта почти на пятьсот лет, что позволило Канту утверждать, что формальная логика исчерпала себя. В тот период развития общества мысли исследователей были обращены прежде всего к точным наукам, венцом которых была математика. В настоящее время можно наблюдать подобный поворот в развитии мировой науки, поскольку развитие новых высоких технологий в корне изменило научный стиль и его методы; современные технологии проникают во все сферы – языкознание и философия не являются исключением.

Золотой для науки период, XIX – начало XX в., связан с именами нескольких ученых, которые так или иначе связали идеи логики и точных наук. Прежде всего это Дж. Буль и Г. Фреге. Дж. Буль разработал исторически первую систему специальной математической логики, позже получившую название «алгебра логики». В своих основных трудах «Математический анализ логики» (1847) и «Исследование законов мысли» (1854) он пытался математически осмыслить традиционную логику. Открытия Готлиба Фреге («Запись в понятиях», 1879) ознаменовали новый этап в развитии математической логики.

Идеи, высказанные Г. Фреге, были в дальнейшем поддержаны Б. Расселом, использовавшим их в своей аналитической философии и разработавшим метод логического анализа языка [8]. До Рассела утверждалось, что логика изучает «законы мышления», хотя греческий «логос» означал одновременно и мысль, и форму, и звучащую речь, и душу и являлся амбивалентным понятием. Тем не менее логика являлась основой философии, и лишь к XX столетию интеллектуальная культура стала видеть в «логосе» ведущую роль языка. В своих исследованиях Бертран Рассел на первый план выдвигал не содержание сознания, а понятные всем и обоснованные правила языка, которые впоследствии высоко оценил Л. Витгенштейн. В логико-философских исследованиях произошел своего рода лингвистический поворот. Метафизи-

ческие воззрения Л. Витгенштейна, в некоторой степени разрушившие существующие логические представления, были приняты его современниками и оказали существенное влияние на развитие лингвистической теории и философии. В последние десятилетия идеи Л. Витгенштейна достаточно популярны среди разработчиков компьютерных технологий, а теория «языковой игры» сейчас переживает необыкновенную популярность. Современные исследования по искусственному интеллекту и когнитологии также опираются на эту оригинальную теорию.

Теоретический язык, разработанный Л. Витгенштейном для объяснения того, как «работает» человеческий язык вообще, каковы его врожденные и приобретенные структуры, которые социум представляет своим членам по мере их взросления и освоения социокультурного и социолингвистического пространства, можно считать невозможным языком (*never-never language*) [7, с. 11]. Подобный несуществующий квазиязык можно проследить в работах Н. Хомского, в частности в «Картезианской лингвистике», где представлены некие новые глубинные структуры (*deep-structures*) деривационных деревьев (*derivation-trees*), которые невероятным образом заполняются компонентами лексикона, образующие поверхностные структуры (*surface-structures*).

Таким образом, современные когнитивные и лингвистические исследования имеют в своем становлении достаточно важные параллели с поисками обоснований, которые вначале поставили логику в центр философии математики, но в итоге привели к разрушению категории как основного понятия логики. Когнитология приобрела в последнее время ведущую роль во многих областях исследования научной деятельности. Ведущее положение когнитологии на современном этапе объясняется также тем, что она имеет свою основу не только в логико-философских обоснованиях с центральным интересом к языку как проявлению «духа», но также и в области психологии.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1975. С. 65–367.
2. Вригт Г. Ф. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–91.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 794 с.

4. Кюнг Г. Когнитивные науки на историческом фоне. Заметки философа // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 41–51.
5. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
7. Black M. A Companion to Wittgenstein's Tractatfis. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 180 p.
8. Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. The William James lectures for 1940 delivered at Harvard University. Unwin Paperbacks, 1980. 450 p.

УДК 83.3

*С. А. Губанов (г. Самара)
Международный институт рынка*

Когнитивные основы описания эпитета

Статья посвящена когнитивной теории эпитета и ее современному состоянию в науке. Автор описывает разнообразные модели научного анализа эпитета и эпитетного ряда в современной лингвопоэтике, а также акцентирует внимание на некоторых проблемных участках теории эпитета. Собственная трактовка эпитета опирается на материал творчества М. Цветаевой. Анализ теории эпитета позволяет сделать вывод об актуальности эпитетологии, о связи ее с метафорикой и теоретической поэтикой, а также определить основные направления в изучении признаков слов.

Ключевые слова: эпитет, метафора, Марина Цветаева, лингвопоэтика, эпитетный комплекс, эпифраза, метонимия

Когнитивный подход стал одним из основных при выполнении данного исследования, поэтому мы анализируем наиболее важные положения когнитивной науки как междисциплинарного, так и собственно лингвистического направления.

Центральным в когнитивной лингвистике является понятие *концепта* как универсальной познавательной единицы, вербализованной и имеющей различные реализации в культуре и языке. Статус концепта признается за ментальными образованиями любой степени общности, обладающими внут-

ренной семантической расчлененностью, отмеченными этнокультурной спецификой и находящими фиксированное языковое выражение [1, 2, 3, 4]. Концепты могут быть познавательными и художественными, лингвокультурными (телеономными) и онтологическими. Остановимся на трактовке метафорического, художественного концепта и метафорической модели как полной реализации художественного смысла.

Понятие метафорической модели предполагает выявление взаимодействия двух структур знания: когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [2]. Исследование метафорических моделей ведется в нескольких направлениях. С когнитивным направлением пересекается исследование регулярной многозначности и регулярности семантических преобразований в рамках лексико-семантического подхода [3, 4, 5]. Нужно отметить, что современную лингвистику отличает синтез обозначенных подходов, а когнитивную лингвистику определяют как «сверхглубинную семантику», как попытку увидеть за категориями языковой семантики более общие понятийные категории, которые являются результатом освоения мира человеческим познанием. Естественная сосредоточенность когнитивной лингвистики на семантической проблематике и методологическая близость ее к лингвистической семантике объясняет стремление некоторых авторов говорить о когнитивной семантике.

Ключевые концепты поэтической модели мира писателя, вывод о центральном положении которых делается на основе критериев коммуникативной, смысловой и эстетической значимости их ключевых слов-репрезентантов, образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую эстетическую программу художника слова, тематическое, идейное и жанровое своеобразие его творчества [6, 7, 8].

В последние годы появляются работы, посвященные рассмотрению центральных для творчества М. И. Цветаевой смыслов, ключевых слов, различных концептов. Из основных концептов автора слагается его языковая картина мира. Для М. И. Цветаевой такими концептами являются концепты «душа» [5], «деревья» [10, 11] и некоторые другие, причем количество их у разных исследователей разное (от нескольких до десятка, в том числе «верста», «бузина», «рябина», «дом», «Москва» и другие). Основным критерием при выделении и описании концептов для исследователей выступает их концептуальная значимость для мировосприятия М. И. Цветаевой, их частот-

ность, наличие одноименных стихотворений и циклов стихов; учитывается их роль в организации поэтического мировидения в определенный период творчества.

При рассмотрении базовых для творчества М. И. Цветаевой субстантивов, вербализованных в рамках эпифразы, нами учитывалась возможность их распределения на три ментальные сферы: человек, артефакты и природа; внутри каждой из сфер был детализирован вид концептов – конкретный или абстрактный. Конкретный (предметный) тип концепта соответствует предметным денотативным образам с чувственно воспринимаемым ядром и вербализуется лексикой конкретного значения (*роза, звезда, рука*); абстрактный концепт вербализуется посредством отвлеченных лексем и определяет понятия эмоциональные (*любовь, страх*) и гештальтные (*жизнь, смерть*).

В данной статье рассмотрим адъективную выраженность центрального для творчества М. Цветаевой концепта «дом».

В поле нашего внимания попадает самый частотный по употребительности концепт в составе эпифраз, являющийся одной из центральных констант «эпитетной парадигмы» М. И. Цветаевой, – *дом*.

Дом – это прежде всего строение; внутреннее, обжитое человеком пространство мира, это своё, безопасное место. Дом – организующий центр мира в русской культуре. В русском языковом сознании сосуществует несколько значений и смыслов слова *дом*: приоритетным является представление о родном доме (кров, очаг, изба, хата).

Образная параллель *дом – человек* является для русской поэзии традиционной. Дом, базовый для творчества М. И. Цветаевой смысл, представлен 198 случаями употребления различных лексем, репрезентирующих данный концепт. В системе ценностей М. И. Цветаевой дом – кров, откуда человек вышел, последняя опора в жизни, убежище (*Дом, который не страшен в час народных расправ*). Этот дом может быть *знатным, радостным, недобрым, замороженным, тревожным*.

Материал дает возможность говорить о том, что поэт многогранно осмысляет дом, уподобляя его человеку, людям, населяющим его. Это может быть дом, существующий лишь в мыслях, в воображении (*немыслиющийся*), или дом, воспринятый визуально (*скрывающийся, безглазый*) либо передается ощущение от пребывания в доме, от людей в доме (*радушный, угрюмый*).

Все характеристики дома антропоморфны, что позволяет говорить о метонимической природе эпитетов, определяющих данный концепт.

Справедливо считается, что в поэзии М. И. Цветаевой два дома – дом земной и дом небесный. Через данный концепт поэт определяет не только своё пространство, но и свой духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у него до масштабов Москвы и страны: *Москва! Какой огромный / Странноприимный дом!*

Дом в поэзии М. И. Цветаевой наделяется свойствами живого существа в целом, и любая его часть последовательно осмысливается как орган человеческого тела. Вектор переноса устойчив: с человека на артефакт, он един для переноса названия, признака и способов интерпретации концепта (к примеру, окна устойчиво ассоциируются с глазами, стены – со спиной и т.д.). Дом может выступать метонимическим обозначением людей, находящихся в нем (ср.: *И каждый нес свою тревогу / В наш без того тревожный дом* [9, т. 1, с. 103];), а также непосредственно осмысливаться в качестве живого существа (ср.: *Как из хаты той безглазой...* [9, т. 3, с. 308]; *И слова из сгорбленной хаты: / «Простите меня, мои реки!»* [9, т. 1, с. 401]; *Дом... / скрывающийся между лип* [9, т. 2, с. 295]), причем эти смысловые оттенки не всегда дифференцируются со всей очевидностью (ср.: *Из дома сонного иду – прочь* [9, т. 1, с. 282]; *Дом ... по-медвежьи – радушен* [9, т. 3, с. 748]; *Редкий случай радостного дома...* [9, т. 7, с. 243]; *Наш знатный дом* [9, т. 1, с. 205]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [9, т. 1, с. 227]; *Ваш шаг в мой недобрый дом...* [9, т. 1, с. 249]; *Чтите мой угрюмый грот (= дом)* [9, т. 3, с. 27]; *В замороженный, невозвратный / Наш старый дом...* [9, т. 3, с. 14]; *Засады казенных / Немыслящихся домов* [9, т. 1, с. 560]; *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [9, т. 1, с. 227]).

Описание некоторых ключевых субстантивов в составе эпитетных единств, использованных в творчестве М. И. Цветаевой, показало, что большинство из них связано с антропоморфной семантикой, причем это выражается как в номинациях самих концептов, так и в подавляющем большинстве эпитетов, употребляющихся при них.

Литература

1. Глушкова В. Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

2. Губанов С. А. К вопросу о морфологической типологии эпитетов в лирике М. Цветаевой (семантический аспект) // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 84–90.
3. Губанов С. А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5–8.
4. Губанов С. А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 6–9.
5. Губанов С. А. Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.
6. Куксина А. Е. Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
7. Маниева Н. С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 23 с.
8. Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 458 с.
9. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994.
10. Черных Н. В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 297 с.
11. Четверикова Т. Д. Специфика шолоховского эпитета (на материале романа «Тихий Дон»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

УДК 81-13

*С. А. Ковалевская (г. Тюмень)
Тюменский индустриальный университет*

Матричный анализ литературного нарратива (на примере романа «Дочь снегов» и рассказа «Мужество женщины» Джека Лондона)

Статья посвящена исследованию литературного нарратива романа «Дочь снегов» и рассказа «Мужество женщины» Джека Лондона. В статье представлены результаты матричного анализа выбранных художественных произведений, объединенных общей тематикой мужества женщин. На основании анализа определяются модели построения произведений.

Ключевые слова: матричный анализ, текстовые фрагменты, литературный нарратив, нарратология

В последнее время нарративу уделяется все больше внимания в различных областях гуманитарного, общественного и даже естественнонаучного знания, которое охватывает широкий круг подходов к такому феномену, как сюжетно-повествовательный дискурс. Объектами изучения нарратива становятся не только художественные тексты, но и другие повествовательные практики.

Литературный нарратив как стратегия текстообразования и текстовосприятия обнаруживает себя в специфических свойствах текста, которые традиционно осмысливаются в категориях нарративности и литературности.

В статье рассматривается использование матричного анализа, предложенного К. А. Андреевой [1, с. 101], для исследования двух произведений Джека Лондона – романа «Дочь снегов» и рассказа «Мужество женщины». За единицу анализа, основываясь на тематическом принципе, мы выбрали текстовые фрагменты, содержащие большое количество лексики, соотносимой с концептом «мужество».

При анализе романа «Дочь снегов» было выявлено, что роман построен по модели повествования, включающего прямую речь. Повествование в рассматриваемом произведении является доминирующим типом текста и определяет его структуру. Повествование романа, по классификации, предложенной К. А. Андреевой [1, с. 101], строится по матричной модели.

Итак, в романе «Дочь снегов» присутствуют следующие **универсальные признаки**:

- динамика событий – рассказчик повествует о девушке Фроне Уэлз, которая возвращается домой в Юкон (Канада);
- «острый сюжет» – действие романа происходит на Севере, роман в том числе рассказывает о жизни и приключениях золотоискателей во время «золотой лихорадки» на Клондайке;
- основная пропозиция романа: субъект – предикат, где V – **акционные глаголы** (*arose, hurry, waved, came, drove down, delayed, gripped, nodded, stoped, knocked out, cut, turned, shook, went, stoped, offered*);

- в романе «Дочь снегов» сохранено универсальное для повествования отношение: соединительное перечисление событий и основное логическое отношение конъюнкции;

- основное средство связи – сочинение.

Морфолого-синтаксические признаки:

- Предложение: NV акциональные глаголы, предикат выражен глаголом в *Past Indefinite* (*Frona Welse arose with alacrity. Mr. Thurston gripped tight hold of the gunwale. She nodded cheerfully. He stopped rowing long enough. The next morning Corliss was knocked out of a late bed by Bash. He shook his head, sadly*).

Итак, при наложении матрицы на роман «Дочь снегов» мы получили полную реализацию матрицы.

В диалогах романа «Дочь снегов» используются графоны, например: «*"Aw, g'wan!" one of them shouted*». – «*Well, I have. An' it's the rale thing, I'll tell ye. If iver a man suckled a child, I did, or the next door to it*». – «*As though ye cud, with that flutter to yer eye*».

В романе присутствует aukториальное повествование. В целом рассказ представляет собой нарративный повествовательный ряд, в котором содержатся описания, а также прямая речь, диалоги (между Фроной Уэлз и Джейкобом Уэлзом; между Фроной и Корлисом; между Фроной и Сент-Винсентом, и т.д.) и полилоги (разговоры на приеме у семьи Уэлзов; собрание старателей и т.д.).

Проанализировав рассказ «Мужество женщины», представим общую структуру сочетания функционально-семантических типов текста.

В данном тексте присутствует aukториальное повествование. В целом рассказ представляет собой нарративный повествовательный ряд, в котором содержится несколько описаний, прямая речь, диалоги (между Ситкой Чарли и его женой Пассуки, между Ситкой Чарли и Длинным Джоном; между Ситкой и незнакомыми индейцами) и полилоги (разговор в палатке между золотоискателями). Также присутствуют авторские нарративы – Ситка Чарли; его жена Пассук.

Обратим внимание на то, что рассказ, повествуя о событиях в хронологическом (линейном) порядке, начинается и заканчивается одним и тем же эпизодом (рассказ у костра в палатке). Мы определили бы такое построение сюжета как круговое. Ситка начинает рассказывать свою историю попутчи-

кам в палатке, а в последнем эпизоде мы видим, как он, закончив рассказ, выходит из палатки.

Как уже было сказано выше, данный рассказ построен по модели повествования, включающего прямую речь. Повествование в рассказе, по классификации, предложенной К. А. Андреевой [1, с. 101], строится по матричной модели. Наложив матрицу повествования, мы получили следующие результаты (см. таблицу).

Матричный анализ рассказа «Мужество женщины»

Типы нарратива	Нарратив с процессуальной (повествовательной) грамматической доминантой)	Рассказ Д. Лондона «Мужество женщины»
Универсальные признаки	Динамика событий	Ситка повествует о своем путешествии
	«Острый сюжет»	Действие рассказа разворачивается на бескрайних просторах Севера, люди борются за свою жизнь, преодолевая многокилометровые расстояния, терпя бытовые неудобства и голод, принимая сложные решения
	Основная пропозиция: субъект – предикат, где V – акциональный глагол	<i>In the night we lay in the snow like dead people, and in the morning we went on our way, walking like dead people</i>
	Универсальное логическое отношение – конъюнкция; основное средство связи – сочинение	В тексте короткого рассказа сохранено универсальное для повествования отношение: соединительное перечисление событий и основное логическое отношение конъюнкции
Морфологосинтаксические признаки	Предложение NV акциональные глаголы, предикат выражен глаголом в Past Indefinite (редко в Present Indefinite (наст. историч.))	<i>When I laid down to sleep, she waked me. When I stumbled and fell, she raised me. When I wandered in the deep snow, she led me back to the trail</i>
		<i>go, cook, feed, sleep, lift, help, lash, unlash, break camp, grub, overtake</i>

Таким образом, в рассказе присутствуют все признаки матрицы, следовательно, можно сказать, что она реализована.

Итак, подведём некоторые итоги предварительного анализа двух произведений Дж. Лондона. В основе романа «Дочь снегов» и рассказа «Мужество женщин» лежит модель повествования, включающего прямую речь. В обоих произведениях присутствует aukториальное повествование.

В целом тексты представляют собой нарративный повествовательный ряд, в котором содержатся описания, а также прямая речь, диалоги и полилоги. В диалогах анализируемых произведений часто используются графоны, сленг и вульгаризмы с целью подчеркнуть социальную принадлежность героев, показать их необразованность, низкий уровень культуры.

Литература

1. Андреева К. А. Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 244 с.
2. Лондон Джек. Дочь снегов: роман / пер. с англ. В. Сметанича. М.: Библиотека Огонек. Правда, 1961. С. 107–353.
3. Лондон Джек. Мужество женщин: рассказ / пер. с англ. Н. Емельяниковой. М.: Правда, 1961. 15 с.
4. London J. Grit of women // McClure's Magazine. 1900. Vol. 15, N 4. 10 p.
5. London J. The Daughter of Snows. United States: J. B. Lippincott Company, 1902. 334 p.

УДК 811.133.1

*О. Н. Кузьменко (г. Санкт-Петербург)
РГПУ им. А. И. Герцена*

Имена русских литераторов-эмигрантов во французской топонимике¹

В статье рассматриваются французские топонимы, включающие в свой состав имена русских литераторов первой волны эмиграции (Нины Берберовой, Бориса Божнева, Марины Цветаевой), выясняются мотивы номинации этих городских объектов.

Ключевые слова: топонимы, антропонимы, урбанонимы

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект 17-44-93509 «Подготовка к изданию книги «Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского)».

Взаимоотношения двух культур находят яркое отражение в топонимике. Выбор того или иного антропонима для наименования какого-либо географического (природного или урбанистического) объекта свидетельствует нередко в большей степени о социальных, политических и культурных приоритетах «принимающей» страны, чем о значимости той или иной личности в культуре страны его происхождения. В данной статье мы проанализируем французские топонимы, включающие в свой состав имена русских писателей, поэтов, мемуаристов, публицистов первой эмиграции, рассмотрим французский период их жизни и попытаемся определить, какие смыслы в их судьбе и творчестве оказались важны для французской стороны, принявшей решение о присвоении имени данного русского литератора французскому урбанистическому объекту.

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) – прозаик, поэт, литературный критик, переводчик, мемуаристка.

За долгие годы жизни в Париже Нина Берберова сменила не одно место жительства. В 1922 году она эмигрировала из России вместе с В. Ф. Ходасевичем. Сначала они обосновались в Германии и Чехословакии, позднее – в Италии у Горького, затем – в Париже, где в апреле 1924 г. они поселяются по адресу: 207, bld Raspail (14^e). Здесь они на несколько месяцев снимают комнату с крошечной кухней, почти наискось от «Ротонды», о чем Берберова вспоминает в своих мемуарах «Курсив мой»: «Ходасевич целыми днями лежал на кровати, а я сидела в кухне у стола и смотрела в окно. Вечером мы оба шли в “Ротонду”. <...> Денег не было вовсе. Когда кто-нибудь приходил, я бегала в булочную на угол, покупала два пирожка и разрезала их пополам. Гости из деликатности до них не дотрагивались» [2, с. 250].

Затем Берберова и Ходасевич вновь уезжают в Сорренто к Горькому, чтобы окончательно вернуться в Париж в 1925 г. На этот раз они селятся в «тесном и грязноватом Притти-отеле» по адресу: 8, rue Amélie (7e). Именно здесь они получают свой документ «апатридов», по которому имеют право работать только сдельно, как люди свободных профессий, именно здесь они научаются «делить один артишокный листик на двоих, делить пополам каждую заработанную копейку, делить обиды, делить бессонницы» [2, с. 257].

Летом 1925 г. (с 14 августа до конца сентября) они снимают жилье в Медоне, о чем В. Ходасевич удовлетворенно пишет Б. К. Зайцеву: «Главное, здесь у нас две комнаты, и мы с Ниной наслаждаемся невмешательством

<...> Нина усердно пишет стихи, а также “хронику советской литературы” в “Последних Новостях”, под звучным псевдонимом “И”» [8, с. 490].

Наконец в 1926 г. они вселяются в свою первую маленькую квартирку в 12-м округе: 14, rue Lamblardie (12^e). Берберова сотрудничает с газетой «Последние новости», пишет критические статьи, по четвергам в газете «Возрождение» появляются ее обзоры советской литературы (она гордилась тем, что первая «открыла» Ю. Олешу), написанные совместно с Ходасевичем под общим псевдонимом «Гулливер».

Несмотря на многотрудную жизнь в Париже – и с низанием бус для заработка, и с журналистской подёнщиной, – отношение Берберовой к Парижу наполнено глубоким пониманием его особого места среди других городов мира: « Париж – не город, Париж – образ, знак, символ Франции, ее сегодня и ее вчера, образ ее истории, ее географии и ее скрытая суть. Этот город насыщен смыслом больше, чем Лондон, Мадрид, Стокгольм и Москва, почти так же, как Петербург, Нью-Йорк и Рим. Он сквозит этими значениями, он многосмыслен, он многозначен, он говорит о будущем, о прошлом, он перегружен обертонами настоящего, тяжелой, богатой, густой аурой сегодняшнего дня. В нем нельзя жить, как будто его нет, законопатиться от него, запереться – он все равно войдет в дом, в комнату, в нас самих, станет менять нас, заставит нас вырасти, состарит нас, искалечит или вознесет, может быть – убьет. Он есть, он постоянен и вечен, он вокруг нас, живущих в нем, и он в нас. Любим мы его или ненавидим, мы его не можем избежать. Он – круг ассоциаций, в котором человек существует, будучи сам – кругом ассоциаций. Раз попав в него и выйдя – мы уже не те, что были: он поглотил нас, мы поглотили его, вопрос был не в том, хотели мы этого или не хотели: мы съели друг друга. Он бежит у нас в крови» [2, с. 249].

В 1928 г. они переезжают из центра Парижа в пригород Бийанкур, прозванный за мощное присутствие в нем русской диаспоры «Бийанкурском»: 10 bis, rue des Quatre Cheminées, Boulogne-Billancourt. Здесь Берберова создает цикл рассказов «Биянкурские праздники» о повседневной жизни эмигрантов: «Это была лирико-юмористическая, иронико-символическая серия рассказов о жизни русских в Биянкуре – русских нищих, пьяниц, отцов семейств, рабочих Рено, певцов, поющих во дворах, деклассированных чудачков. Был рассказ о двенадцатилетней девочке, подобравшей чужого ребенка; о бывшей графине, стоящей в воскресенье на паперти православного собора,

с “памятником” Николаю Второму у левого клироса; о генералах, подающих в ресторанах, и полковниках с выпяченной грудью, которые ночью – шоферы такси, а днем пишут мемуары об ошибках врангелевского отступления» [2, с. 397]. Жизнь Берберовой в эти годы резюмирована ею в двух строках в ее письме И. А. Бунину: «Сейчас пишу, читаю, шью, готовлю, лечу, убираю, ношусь по городу, рву написанное и выдумываю новое» [6].

Отсюда в апреле 1932 г. Берберова уходит от Ходасевича, чтобы остановиться в гостинице (hôtel des Ministères): 52, bld de La Tour Maubourg (7e). Впоследствии, выйдя замуж за художника Николая Макеева, поселяется с ним на rue Beethoven (16e), прежде чем переехать в 1938 г. в купленный ими дом в предместье Парижа Лонгшен (Longchêne (Yvelines)), где они проведут годы фашистской оккупации Парижа.

В 1930-е годы Берберова выпускает ряд романов: «Последние и первые. Роман из эмигрантской жизни», «Повелительница», «Аккомпаниаторша»; художественную биографию П. И. Чайковского «Чайковский. История одинокой жизни».

В 1947 г. она разводится с Макеевым и переезжает в США, где преподает в Йельском, а затем в Принстонском университетах. В США ею будут созданы главные ее произведения: автобиография «Курсив мой», которую она считала самой важной своей книгой; документальное жизнеописание баронессы М. Будберг «Железная женщина»; исследование масонства XX века «Люди и ложи».

В 1989 г., незадолго до смерти, Нине Берберовой – одной из немногих из ее поколения – доведется приехать на Родину, встретиться с русскими читателями, убедиться в том, что ее знают и помнят.

В отношении «топонимического наследия» ей повезло более, чем кому-либо из литераторов первой волны эмиграции, – три городских объекта в разных местах Франции носят ее имя:

- улица в южной части г. Булонь-Бийянкур (rue Nina Verberova): так жители этого бывшего «русского» пригорода Парижа почтили в 2005 г. память той, которая жила в нем четыре года (1928–1932) и которая запечатлела его будни и праздники в своих произведениях;

- площадь в Арле (place Nina Verberova), являющаяся культурным центром этого провансальского городка (департамент Буш-дю-Рон (Bouches-du-Rhône), регион Прованс – Альпы – Лазурный Берег (Provence-Alpes-Côte

d'Azur)). На этой площади находится небольшое издательство “Actes sud” , в 1985 г. выпустившее в свет книгу Н. Берберовой «Аккомпаниаторша» и таким образом заявившее о себе – эта книга стала первым его большим успехом, впоследствии произведение было переведено на двадцать семь языков. Именно по инициативе этого издательства в 1994 г. площади было присвоено имя русской писательницы. Н. Берберова не раз приезжала в этот провансальский город, в частности в 1989 г., когда ей была вручена медаль почетного жителя Арля и награда Ордена искусств и изящной словесности [11, с. 60];

- аллея (allée Nina Berberova) в г. Ниор (департамент Дё-Севр (Deux-Sèvres), регион Новая Аквитания (Nouvelle-Aquitaine)). Решение местной администрации назвать аллею именем Н. Берберовой было принято в 1999 г.

Божнев Борис Борисович (1898–1969) – поэт, художник-примитивист.

Биографические данные в публикациях, посвященных Борису Божневу – своеобразному поэту, художнику-самоучке, «человеку в чем-то примечательному, ни на кого не похожому, не без оттенка сумасшедшинки» [1, с. 156], восходят к первооткрывательскому труду Л. Флейшмана [7]: родился в семье преподавателя литературы и истории Василия Божнева. Отец умер, когда Борису было 4 года, мать вышла замуж за Бориса Гершуна, усыновившего мальчика (отсюда отчество Борисович). Божнев с детства интересовался искусством и литературой, и в 1919 г. семья отправляет его на учебу в Париж. В Париже он зарабатывает на жизнь перепиской нот, становится членом «Палаты поэтов» и одним из основателей группы «Через», в 1925 г. выпускает свой первый сборник стихов «Борьба за несуществование», в 1927 г. – сборник стихов «Фонтан», получивший полярные оценки критики. Женится на Элле Каминер. В сентябре 1939 г. уезжает на юг Франции, отходит от литературы. Умирает в 1969 г., когда многие уже были уверены, что его лет двадцать, как нет на свете.

В 1936 г. Божнев переезжает в пригород Парижа Кламар, где издает в типографии книжечки своих стихов тиражом в сто экземпляров и рассылает их близким друзьям.

В парижский период своей жизни Б. Божнев общается с философами Н. Бердяевым и Л. Шестовым, с музыкальным критиком Б. Шлёцером, с поэтами своего поколения А. Гингером и А. Присмановой.

В 1939 г. Божнев переезжает на юг Франции – в Марсель (15, rue Sénac, Marseille). На юге он много пишет, и это «много» имело для него самое буквальное значение: в письмах своим друзьям А. Гингеру и А. Присмановой он постоянно уточняет количество строк, написанных им за последнее время: «Со времени моего отъезда из Парижа, я нахожусь в огромной стихотворной волне – и я за три месяца написал около 2.500 строк! – в том числе закончил самую большую свою поэму “Прерванная Гирлянда” в 1.300 строк – остальные 1.200 строк – отдельные фрагменты и разные лирические стихи» [3, с. 38].

Здесь, на юге, Божнев реализует и другую свою ипостась – художника-примитивиста и создателя фантазийных коллажей и рамок для картин малоизвестных художников (сам он называл их «лирическими обрамлениями» [3, с. 46]). Вот как он описывает эти свои творения в письме А. Присмановой:

«Картина наклеена на картон, а на картоне – вокруг картины – например, старинные кружева – как рама кружевная.

Или куски фарфора –
или страусовые перья –
или бархатце и дымка –
или куски старинного дерева,
или полусожженные бумаги
или разбитые грам<м>фонные диски
или обрывки рыбачьих сетей
или пробки от шампанского
или бисерные роскошные украшения
или бедные бусы и сломанные гребенки
или атласные бумаги – в 2000 фр<анков> метр
или огромные бумажные цветы с ярмарок –
или кружева au crochet [вязанные крючком] вперемешку с фарфором
разбитым
или тряпки, об <sic> которые вытираю я свои кисти
или бесконечные разные материи эпохи Louis XV – Second Empire
[Второй Империи] – от rustique [безыскусного] до Grand Luxe [роскошного]
или пучки соломы
и т. п., и т. д., и т. д., и т. д.

В десятках коробок огромных и малых я все это собрал и рассортировал – большие сокровища, и по заслугам! – ибо за кусками рыбачьей сети, например, ходил очень далеко – и не раз – и получил то, что искал, образом чудесным! –

А за бисерными цветами хожу на кладбища, где мне дают выброшенные венки, сделанные из этих цветов бисерных –

А чудесные бумаги – 2000 фр<анков> метр! – мне *подарили* – 30 метров! – и каждый из 30 кусков разный по цвету и прелести рисунка – потому что “очарование Божнева” действует даже на ничем уже не *enchanté* [очарованных]! французов» [3, с. 48].

Эта пространная цитата наилучшим образом характеризует страстную увлеченность и одержимость поэта-художника, вечного ребенка, неутомимого коллекционера, уверенного в том, что на «самых нищих улицах можно найти больше Рембрандтов, чем в любом музее» [9]. Он становился соавтором этих «примитивных, наивных, ангельских» картинок: прибегая к помощи иголки, спички, или просто пальцами он дорисовывал на них женские фигуры, и в «лирическом обрамлении» вдохновенной божневской любви они начинали звучать по-иному, являя миру свою нежно светящуюся ауру. Выставка этих работ Божнева, состоявшаяся в 2013 г. в Вансе (Vence), так и называлась – «Ауры Бориса Божнева» (“Les Auras de Boris Voinev”).

Живя на юге, Божнев знакомится с Люсьеном Анри (Lucien Henry), владельцем магазинчика в городке Форкалькье (Forcalquier, департамент Альпы Верхнего Прованса (Alpes-de-Haute-Provence), в регионе Прованс – Альпы – Лазурный берег (Provence – Alpes – Côte d'Azur)), напоминающего одновременно и антикварную лавку, и лавку старьевщика, и художественную галерею. Их знакомство перерастет в дружбу. Люсьен Анри, сам человек творческий и неординарный, после смерти Б. Божнева назовет свою галерею его именем и инициирует создание «Общества друзей Бориса Божнева». После смерти самого Люсьена Анри в 1988 г. это общество передаст в художественный музей г. Форкалькье около пятисот произведений примитивного и современного искусства, которые лягут в основу коллекции Музея современного искусства имени Бориса Божнева (Centre d'Art contemporain Boris Voinev: 12, rue Grande, Forcalquier).

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – поэт, прозаик, переводчица. Жизнь М. Цветаевой во Франции хорошо изучена, равно как и практиче-

ски все ее парижские адреса [5]. Поэтому здесь мы остановимся на французском топониме, включающем ее имя в свой состав. В 2001 г. Париж был охвачен своего рода эпидемией переименования библиотек, относящихся к тому или иному парижскому кварталу. Традиционно в название включалось обозначение квартала, благодаря чему учреждения были легко географически идентифицируемы. При переименовании же обозначение квартала исключалось из названия библиотеки и заменялось именем известной личности (например, библиотека Port Royal (5e) получила имя Райнера Марии Рильке, библиотека Maine (14e) – имя Жоржа Брассенса, библиотека Saint Fargeau (20e) – имя Оскара Уайльда и т.д., этот список достаточно длинный). Парижане забили тревогу, объявив, что парижские библиотеки стали жертвой переименований («Les bibliothèques parisiennes victimes du naming !» [10]). Спустя более десяти лет после этого топонимического поветрия, в 2013 г., библиотека Гласьер в 13-м округе Парижа получила имя Марины Цветаевой (Bibliothèque Glacière – Marina Tsvetaïeva, 132 rue de la Glacière). Это переименование не вызвало протеста (возможно, потому, что администрацией был учтен печальный опыт предыдущих переименований и исконное название библиотеки, отсылающее к названию того квартала, где она находится, сохранилось в составе топонима) и является данью памяти большому русскому поэту и человеку трагической судьбы – Марине Ивановне Цветаевой.

Итак, пять различных урбанонимов, находящихся в отдаленных друг от друга местах Франции включают в свой состав имена русских литераторов-эмигрантов: Нины Берберовой, Марины Цветаевой и Бориса Божнева. Мотивы, побудившие к включению этих антропонимов в название французских городских объектов, также различны и актуализируют подчас неожиданные смыслы биографии и жизнедеятельности этих личностей:

- связь места проживания и творчества с определенным топонимом (rue Nina Berberova, Boulogne-Billancourt);
- коммерческий успех издательства, сотрудничающего с автором (place Nina Berberova, Arles);
- международная известность писателя (Bibliothèque Glacière – Marina Tsvetaïeva, Paris; allée Nina Berberova, Niort);
- оценка современниками не литературных, но художественных талантов писателя (Centre d'Art contemporain Boris Vojnev, Forcalquier).

И, вероятно, можно сказать, что даже спустя много лет после завершения своего земного пути они по-прежнему выполняют главную миссию русской эмиграции, лаконично сформулированную в 1921 г. Д. Мережковским в одной из его речей: «Мы не в изгнании – мы в послании» [4, с. 163].

Литература

1. Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Вспоминая Божнева. Париж, 1980.
2. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ, 2015.
3. Гингер А. Стихотворительное одержанье. Т. II. Письма. М., 2013.
4. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. Т. I. Россия в Германии. М.: Б.-С.-Г – Пресс, 2001.
5. Клюкин Ю. Цветаевский Париж // Марина Цветаева. Песнь жизни / Marina Tsvétaeva. Un chant de vie. Actes du colloque international de l'Université Paris IV 19-25 octobre Paris, 1992. С. 77–102.
6. Переписка И. А. и В. Н. Буниных с В. Ф. Ходасевичем (1926–1939) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1939_perepiska_s_khodasevichem.shtml
7. Флейшман Л. О Борисе Божневе // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 227–239.
8. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997.
9. Pastor G. Le souvenir de Boris Voinev [Электронный ресурс]. URL: <http://www.galerie-alain-paire.com>
10. Pour la Mairie de Paris c'est «pas de quartier» [Электронный ресурс]. URL: <http://parisculturesociale.over-blog.com/article-les-bibliotheques-parisiennes-victimes-du-naming>
11. Tuloup-Smith A. Rues d'Arles, qui êtes-vous? Arles: Les Amis du vieil Arles, 2001.

Особенности понятия «норма» в оценочной конструкции

В статье рассматриваются особенности понятия «норма» в оценочной конструкции. Основное внимание автор акцентирует на рассмотрении нормы как определенной зоны в оценочной шкале. Выделяются и описываются характерные особенности нормы с точки зрения качества и количества.

Ключевые слова: норма, оценка, середина, поляризованное, качество, количество

Под понятием «норма» как категория деятельности человека следует понимать набор «предписаний, указывающих на социально одобряемые алгоритмы поведения» [6, с. 157]. Говоря иначе, данное понятие отражает «стандарты, стереотипы проверенного практикой типового поведения в повторяющихся условиях социального бытия» [8, с. 7]. Безусловно, отдельные характеристики норм в разных культурах различаются, но тем не менее существуют и определенные базовые принципы.

На протяжении истории человечества в большинстве обществ существовали и существуют индивиды, чье поведение выходит за рамки общепринятых норм. Такие отклонения обозначаются как девиантные, соответственно, возникает такое понятие, как «девиантное поведение» (лат. *deviatio* ‘отклонение от дороги’). Это совокупность индивидуальных или коллективных форм поведения, которые «воспринимаются как не соответствующие нормам, ожиданиям, ценностям, декларированным или разделяемым членами группы» [8, с. 9].

Термин *норма* рассматривается учеными с разных точек зрения: 1) норма как языковой стандарт (Ю. Д. Апресян, А. Н. Шрамм, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Урысон, Г. И. Кустова, Ю. Л. Воротников и др.); 2) норма как шкала (Ю. Л. Воротников, С. М. Колесникова, Н. Д. Федяева, Н. В. Халина); 3) норма в аспекте культуры речи (И. И. Туранский, Е. В. Бельская); 4) норма в оценке (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, Н. Д. Арутюнова). Н. Д. Фадеева в монографии «Нормы в пространстве языка» предлагает семантическое толкование: «В рамках семантического подхода норма понимается как коллек-

тивно-субъективное представление о признаковых характеристиках стереотипа оцениваемого объекта, с которым соотносится реальный признак воспринимаемого предмета» [9, с. 6]. Норма существует в субъективном мире человека, имеющего представления о признаках конкретных объектов, существующего в реальном мире. Норма формируется не одним человеком, а социальным коллективом.

В словаре Ожегова слово *норма* получает следующее толкование: «1. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-н. 2. Установленная мера, средняя величина чего-н.» [4, с. 421]. В «Философском энциклопедическом словаре» понятие *норма* интерпретируется следующим образом: «1) средняя величина, характеризующая массовую совокупность событий, явлений; 2) общепризнанное правило, образец поведения или действий, с помощью которого осуществляется упорядоченность и регулярность социального взаимодействия» [10, с. 441]. Полисемичность слова *норма* обуславливает тот факт, что оно употребляется в разных областях знания и деятельности человека: 1) в областях, для которых правило и порядок являются важными элементами (например, в научной и технической сфере, в культуре поведения человека, в межличностном общении, в том числе в межкультурной коммуникации, и т.д.); 2) в сфере измерения физических величин.

Е. М. Вольф рассматривает норму как определенную зону в оценочной шкале и называет эту зону «зоной размытого ограничения» [2, с. 54]. Норма может быть ориентирована на любую часть шкалы, это зависит от конкретного признака объекта: например, норма находится в середине шкалы для *худого тела*, в то время как для *темной кожи* норма связана с различиями в цвете кожных покровов, для которых существует определенный стандарт.

Особое внимание уделяет понятию нормы Н. Д. Арутюнова. Она отмечает, что применительно к росту человека, его телосложению, весу и другим признакам данное понятие выражается параметрическими прилагательными. К «норме» относятся «значения антонимов в рамках скалярно-антонимического комплекса» (*большой* = больше нормы, *плохой* = хуже нормы) [1, с. 65]. Противопоставление «норма – не-норма (отклонение от нормы)» воспринимается как соотношение «середина» и «поляризованное». Понятие нормы включает следующие разновидности: 1) норма вида (*Тело маленькое для 15-летнего мальчика*); 2) норма пропорции (*высокий стан*);

3) норма ожидания (*Ему только 8 лет, но тело уже крупное*); 4) ситуативная норма (*Сапоги мне малы*) [1, с. 69–70].

Т. В. Маркелова относит к норме «градационный элемент шкалы, нейтральную полосу, точку отчета» [3, с. 17]. Норма располагается посередине между положительной и отрицательной оценкой. Например, температура тела, которая характеризуется словами *горячее, теплое, прохладное, холодное, ледяное*, содержащими сенсорную оценку, соответствует отклонению от нормы в сторону увеличения степени выраженности признака (*горячее*) или ее уменьшения (*прохладное, холодное, ледяное*). Норма – это нормальная температура тела – *теплое тело*, то есть норма ориентирована на среднюю часть оценочной шкалы (*теплое*).

Норма тесно связана с категориями качества и количества. Качество – это существенная определенность, а количество – несущественная определенность вещи. Д. В. Пивоваров в монографии «Основные категории онтологии» пишет, что «качество имеет интервал количественного изменения, выйдя за который оно становится другим качеством» [5, с. 166]. Например, в словосочетании *стройное тело* прилагательное *стройное* указывает на норму – не худое и не толстое тело. Если показатель веса увеличивается, тело становится толстым, то есть лексема *толстое* также обозначает качество тела. Мера является важным компонентом для определения интервала количественного и качественного изменения. В «Современном философском словаре» под редакцией В. Е. Кемерова понятие *мера* объясняется так: «определиТЕЛЬ свойств и качеств вещей, общности и особенности явлений действительности, своеобразия и продуктивности человеческой личности» [7, с. 478]. Именно мера создает условия для определения нормы. Именно мера демонстрирует качественные и количественные свойства объекта. Норма формируется через интеграцию информации о разнообразных проявлениях меры. Например, *средний рост* (о человеке) – это норма, соответствующая количественным, это результат получается измерения ее и человеческому опыту. У конкретного человека есть свое представление о норме, у конкретной культуры также есть свою норму.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 284 с.
3. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО 'А ТЕМП', 2006. 944 с.
5. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 268 с.
6. Самыгин П. С. Девиантное поведение молодежи. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 440 с.
7. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: «ПАНРИНТ», 1998. 1064 с.
8. Степанова Н. И. Философский анализ девиации (онто-гносеологические аспекты): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 16 с.
9. Фадеева Н. Д. Нормы в пространстве языка. М.: ФЛИНТА : Наука, 2016. 250 с.
10. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. С. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М: Сов. энцикл., 1983. 840 с.

УДК 811.161.1

*О. Ю. Светлова, Чжоу Хан (г. Киров)
Вятский государственный университет*

Особенности использования этикетных выражений в романах А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке»

Роль этикетных выражений в романах А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке» определяется условиями художественной реальности. В язык советского официально-делового стиля вливается разговорное и просторечное начало, характерное для сказочного языка, и иноязычные средства речевого этикета из других культурных традиций. Выбор языкового средства того или иного стиля определяется личностью субъекта речи.

Ключевые слова: этикетные выражения, речевой этикет, язык А. и Б. Стругацких, обращения

Роль этикетных выражений в романах А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке» определяется условиями художественной реальности. Сюжеты в целом не связаны, но произведения объединены местом и временем действия, а также основными героями. События разворачиваются в городе Соловце, а конкретнее, в научно-исследовательском институте чародейства и волшебства (НИИЧАВО). В НИИЧАВО сказочные атрибуты предстают и осмысляются в качестве реально существующих объектов изучения. Сотрудникам учреждения присущи черты сказочных персонажей. Само название института построено на оксюмороне, который раскрывается и дополняется на протяжении всего действия произведений. Он состоит в соединении двух начал: реалий советской научной среды 60-х годов XX века, которая изображается реалистически, и мира сказок, при изображении которого чаще всего используются комические и сатирические приемы.

Этикетные выражения, встречаясь в речи персонажей, характеризуют их как представителей одного из этих миров, ведь, как известно, средства речевого этикета непосредственно привязаны к условиям общения, личности говорящего и адресата, их культурному и социальному статусу, а также определяются тем, в каких отношениях собеседники находятся между собой [2, 3].

Так как герои являются представителями среды советской научной интеллигенции, для их речи свойственно обилие этикетных оборотов. Причем их использование обусловлено колоритом государственного учреждения и тем, что события разворачиваются в официально-деловой среде, где общаются коллеги.

Употребление тех или иных этикетных выражений ярко характеризует личности героев. Этот прием применяется авторами на протяжении всего произведения, и значимость этикетных формул для создания образов героев неоднократно подчеркивается в речи автора. Ср.:

*Прямо передо мной неторопливо сконденсировался бледный, весьма корректный человек в превосходно сидящем сером костюме. Несколько склонив голову набок, он осведомился с **изысканнейшей вежливостью**:*

– Смею ли надеяться, что не слишком обеспокоил вас?

– Отнюдь, – сказал я, поднимаясь. – Прошу вас, садитесь и будьте как дома. Угодно чайку?

– Благодарю вас, – сказал незнакомец и сел напротив меня, изящным жестом поддёрнув штанины. – Что же касается чаю, то прошу извинения, Александр Иванович, я только что отужинал (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу, далее – ПНВС).

Здесь и далее на коротком отрезке текста персонаж употребляет этикетные выражения: *благодарю вас; прошу извинения; Александр Иванович; смею ли надеяться, что не слишком обеспокоил вас?*

В данном случае речь сотрудника института настолько изобилует самыми изысканными этикетными выражениями, что главный герой пытается соответствовать изо всех сил, что подчеркивается в речи автора. Ср.:

– Как вам будет благоугодно, – сказал я, сосредоточив в этой фразе всю свою светскость. – Поговорим о чём-нибудь другом (ПНВС);

Тогда, пошевелив от вежливости пальцами, я осведомился – не спросил, а именно осведомился:

– Не позволено ли мне будет узнать, чему я обязан приятностию нашей встречи? (ПНВС).

Все персонажи, кроме главного героя – Саши Привалова, который в начале повествования попадает в Соловецк впервые, так или иначе связаны со сказочной, мифологической или литературной реальностью. Их образы двойственны: по сюжету они тысячи лет жили в сказочных условиях, потом прошли весь исторический путь человечества и только затем оказались в советском НИИ либо в положении работников, либо в положении объектов изучения. В связи с этим речь их синкретично совмещает разные исторические, культурные и стилистические пласты. Одним из наиболее ярких средств речевого этикета, демонстрирующих данную тенденцию, является обращение.

Мы выделили 3 стилистических типа обращения:

1. Обращения из официально-делового стиля советской эпохи (товарищ, гражданин). Эти лексемы фигурируют в речи всех героев романов, однако с большей частотностью их употребляют административные работники, которые отличаются ограниченностью и бюрократизмом: Выбегалло, Зубо, Хлебовводов, Ванюков и т.п. Также они используются в речи, обращенной к этим персонажам.

Наиболее распространенное обращение – *товарищ*. Ср. значение в словаре:

Товарищ. 1. *Товарищ (мой), товарищи (мои)*. Мужское обращение к другу, приятелю, равному по положению, связанному с говорящим общим делом, общей целью, общими идеями, интересами. До конца XIX века употреблялось преимущественно с «ты»-формами применительно к лицам мужского пола. 2. С конца XIX века обращение друг к другу членов революционных кружков социально-демократического толка; после Октябрьской революции 1917 года – большевиков, коммунистов, а также их обращение к рабочему, крестьянину, солдату, матросу и другим сочувствующим революции. При обращении к знакомым в сочетании с фамилией, полным именем или партийной кличкой. 3. С конца 30-х годов после ВОВ широкоупотребительное официальное или полуофициальное обращение к гражданам СССР, а также к иностранным гражданам социалистических стран [1, с. 522–524].

В анализируемых нами контекстах слово употребляется в третьем значении. Оно встречается в качестве одиночного обращения в единственном числе при обращении к обобщенному адресату в листовках и во множественном числе – при обращении к нескольким лицам или к большой аудитории. Также употребляется с фамилиями (*товарищ Зубо, товарищ Хлебовводов, товарищ Выбегалло*), с именем и отчеством (*товарищ Федор Симеонович*), названиями профессий (*товарищ водитель*), наименованиями ученых званий (*товарищ профессор*) и воинских званий (*товарищ лейтенант*).

Ср.: – *Товарищ, пред тобою Брут, – сказала Стелла. – От слов его все мухи мрут* (ПНВС); – *Товарищи! То-ва-ри-щи! Что мы наблюдаем в эту стереотрубу? В эту стереотрубу, товарищи, мы, обуреваемые сложными чувствами, замирая от ожидания, наблюдаем, как защитный колпак начинает автоматически отвинчиваться...* (ПНВС); *Ты, товарищ Зубо, не выкручивайтесь, ты мне прямо скажите: меры были приняты?* (А. и Б. Стругацкие. Сказка о Тройке, далее – СОТ); *Вот, опять! Идеальный человек может устроить пожар! Не подумали вы, товарищ Фёдор Симеонович!* (ПНВС); *Поднажмите, товарищ водитель...* (СОТ); – *Товарищ профессор, где я могу получить назад мои аппараты?* (ПНВС); – *Семьдесят четыре копейки, товарищ лейтенант, – доложил юный Ковалёв* (ПНВС); *Наконец, товарищ представитель, надо бы вам знать, что Тройку не интересуют никакие изобретения* (СОТ).

Другое официальное обращение – *гражданин*. Ср. толкование в словаре:

Гражданин. Официальное обращение к незнакомому мужчине. (Вошло в широкое обращение после Февральской революции 1917 года вместо отмененного *господин*). Официальное обращение в практике юридических отношений, обычно в сочетании с фамилией, званием, наименованием по должности [1, с. 120].

Обращение *гражданин* в сочетании с фамилией употребляют герои, которые не относятся к научным работникам, а представляют органы власти (милиционеры). Ср.: – *Можете идти, гражданин Привалов, – сказал он* (ПНВС).

Обращение *товарищ* по отношению к незнакомым в годы гражданской войны означало «свой», «наш», в противоположность к официальным обращениям *гражданин, гражданка* [1, с. 523]. Это противопоставление сохранялось на протяжении всего советского периода. Соответственно обращение *гражданин* подчеркивает тот факт, что собеседник – не товарищ. Именно поэтому герои-бюрократы и их оппоненты обычно употребляют обращение *гражданин* по отношению друг к другу в ситуации конфликта. Ср.: – *Да это навет! Лавр Федотович! Товарищи!... Много на себя берете, гражданин Константинов!* (ПНВС); – *Почему же это я жулик? – осведомился Константин с возмущением. – Вы меня оскорбляете, гражданин Хлебоводов* (ПНВС).

2. Обращения, характерные для разговорной речи и бытующие в текстах русских сказок (*батюшка, служивый, внучек* и т.п.). В «Словаре русского речевого этикета» [1] эти лексемы в употребленных значениях помечены как просторечные или разговорные.

Служивый. *Простореч.* До революции приветливое обращение невоенных к солдату, реже – к полицейскому [1, с. 478]. Ср. в речи Шуки: – *Ну что просить-то будешь, служивый? Только попроще чего, а то просят телевизоры какие-то, транзисторы...* (ПНВС).

Батюшка. 1. Обращение к отцу. 2. *Обл.* почтительное обращение к свекру, тестю. 3. *Простореч.* Ласковое обращение жены к мужу. 4. *Простореч.* и *обл.* Доброжелательное обращение к собеседнику. а) Учтливое обращение к старшему по возрасту, положению (нередко в сочетании с именем-отчеством для выражения повышенной вежливости, учтивости, доброжелательности). б) Учтливое обращение к младшему или равному по возрасту, положению. в) С оттенком мягкого упрека к близкому знакомому или младше-

му родственнику (сыну, внуку, племяннику). 5. Учтливое обращение к священнику, монаху [1, с. 83]. Ср. в речи Наины Киевны в значении 4б: – *Откушай-ко, бацюшка, Александр Иванович* (ПНВС).

Внучек (или **внучок**). 1. Ласковое обращение к внуку (преимущественно малолетнему). 2. *Простореч.* Ласковое и шутовское обращение пожилых людей к мальчику, молодому человеку [1, с. 35–36]. Ср. в речи Наины Киевны во 2 значении: – *Здравствуй, здравствуй, внучек, – произнесла она неожиданно звучным басом. – Это, значит, и будет новый программист?* (ПНВС).

Используются перечисленные обращения в речи сотрудников НИИЧАВО, которые одновременно несут в себе черты представителей сказочного мира или в буквальном смысле являются сказочными персонажами. Таковы Наина Киевна Горыныч (Баба Яга), Кот Василий, Щука, бывший вурдалак Выбегалло и т.п.

В случаях, когда эти герои выступают адресатами речи, их образы также влияют на говорящего и заставляют его переключаться на стилистику собеседника. Ср.: в речи, обращенной к Наине Киевне: *По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!* (ПНВС).

Бабушка. 1. Обращение внуков к бабушке. 2. *Разг.* Вежливое обращение младшего по возрасту к старушке. **Баушка**. *Обл.* Бабушка [1, с. 30]. В тексте слово употреблено во 2 значении.

3. **Обращения, заимствованные из других культурных традиций** (*сэр, мон шер*). Большинство работников НИИЧАВО фантастическим образом являются очень древними персонажами, чью историю авторы прослеживают за сотни лет от современности. Таков Мерлин, который в прошлом жил в старой Англии при короле Артуре, поэтому к окружающим обращается *сэр*. Ср. значение этой лексемы в словаре: **Сэр** (англ. *sir*). 1. Титул, предшествующий титулу баронета в Англии, а также официальное обращение к лицу, носящему этот титул. 2. Самостоятельное или присоединяемое к фамилии учтливое обращение к мужчине, гражданину Англии, США или других англоязычных стран. 3. В русскоязычной среде шутовское или ироничное обращение к близкому знакомому, приятелю [1, с. 516].

В тексте Стругацких употребляется во 2 значении. Ср.: – *Вы заметили, сэры, какие стоят погоды?* (ПНВС); *Не могу не вспомнить, дорогие сэры,*

как в прошлом году мы с сэром председателем райсовета товарищем Пореяславльским... (ПНВС).

Комический эффект создается двумя способами: грамматическим искажением обращения *сэр* и сочетанием в одном ряду нескольких обращений, принадлежащих к разным речевым культурам.

Такой же прием используется автором и в речи, обращенной к Мерлину. Ср.: – *Сэр гражданин Мерлин, – сказал я. – Нельзя ли чуть потише? Я ничего не слышу* (ПНВС).

Мон шер (франц. *mon cher* – мой дорогой, мой милый). В дореволюционной России салонное обращение на европейский (французский) манер к близкому знакомому, приятелю, родственнику, равному, младшему по возрасту, положению [1, с. 286]. Ср. в речи бывшего вампира Выбегалло: *Элемент необъясненного имеется, порыв снизу... Почему я и рекомендовал. Эта... – сказал он старику. – Объясни, мон шер, товарищам, что тут у тебя к чему* (СОТ).

Таким образом, особенностью художественного мира романов является особый сплав разнородных начал. В язык советского официально-делового стиля вливается разговорное и просторечное начало, характерное для сказочного языка, и иноязычные средства речевого этикета из других культурных традиций. Именно этот сплав и определяет особенности использования этикетных выражений в романах А. и Б. Стругацких. Выбор языкового средства того или иного стиля зависит от характерных особенностей личности персонажа – субъекта речи.

Литература

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
2. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
3. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М., 1982. 126 с.

Зооморфная метафора в языковом сознании китайских студентов (данные социолингвистического эксперимента)

В статье описываются результаты экспериментального социолингвистического исследования, целью которого было выяснить представления о зооморфной метафоре студентов-иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: зооморфная метафора, русский язык, иностранные студенты, эксперимент, опрос

Практически в любом языке по мере его развития возникает такое явление, как перенос наименований с одних предметов, явлений, качеств, действий на другие на основании сходства. Этот процесс носит постоянный и закономерный характер. Человек стремится к более точному, оригинальному взгляду на окружающий мир, поэтому ищет незаметные на первый взгляд, но устойчивые связи между предметами и явлениями. Эти связи отражаются в метафоре. Метафора – это перенос названия с одного предмета, явления, действия на другой предмет, явление, действие на основании сходства.

Метафоризация является универсальным языковым явлением. В современном российском языкознании она рассматривается в первую очередь не как способ украшения речи, а как важнейший мыслительный механизм (см. работы Г. Н. Складневской [3], В. П. Москвина [1], Н. Д. Арутюновой [4], А. П. Чудинова [7]).

Зооморфная метафора, или зооморфизм – это результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку или неодушевленному предмету. Зооморфная метафора в современном русском языке является одним из важных способов пополнения лексики, характеризующей человека. Лексико-семантическая группа зооморфизмов постоянно пополняется новыми обозначениями и представляет собой открытую структуру, так как языковое творчество, связанное с сопоставлением жизни животных и человека, – это бесконечный процесс. Мы уже подробно исследу-

довали зооморфную метафору с теоретической точки зрения и в лексикографическом аспекте [5], а также рассматривали источники появления в языке зооморфной лексики [6].

В настоящей статье представлены результаты экспериментального социолингвистического исследования, которое было проведено в 2017 г. с целью получить ответ на вопрос: насколько хорошо студенты-иностранцы, изучающие русский язык, но не занимающиеся углублённо темой зооморфной метафоры, знают об этом явлении?

В опросе приняли участие 39 человек в возрасте от 20 до 26 лет, из них 29 стажеров и 10 магистрантов. Стажеры на момент проведения исследования изучали русский язык 3 года, магистранты – 5-6 лет. Все респонденты по национальности китайцы, родной язык всех опрошенных – китайский.

Всем участникам эксперимента была предложена одна и та же анкета, которая содержала три вопроса:

1) сведения об информанте (фамилия, имя, возраст, образование, родная страна);

2) «Как Вы думаете, могут ли эти существительные – названия животных, птиц, рыб, насекомых – обозначать человека в русской культуре и в культуре Вашей страны?» (на этот вопрос респонденты должны были ответить «Да» или «Нет»);

3) «Напишите, какие человеческие качества, на Ваш взгляд, приписываются этим животным, птицам, рыбам, насекомым в русской культуре и в культуре Вашей страны» (отвечая на этот вопрос, опрошенные должны были указать конкретные человеческие качества, связанные в сознании русских и китайцев с определёнными животными).

Список предложенных названий животных включал 20 общеязыковых зооморфных метафор, зафиксированных в толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [2]: *крыса, лиса, лошадь, медведь, обезьяна, овца, осёл, свинья, собака, тюлень, рыба, ворона, павлин, петух, попугай, сойка, жук, змея, пиявка, червяк*.

Нам было интересно узнать, имеются ли у китайских студентов, изучающих русский язык, представления о том, что все эти слова в русской культуре могут употребляться по отношению к человеку, и понимают ли они значения этих слов в качестве зооморфизмов.

По вопросу 2 («Как Вы думаете, могут ли эти существительные – на-

звания животных, птиц, рыб, насекомых – обозначать человека в русской культуре и в культуре Вашей страны?») были получены следующие результаты. Большинство опрошенных китайских студентов имеет представление о том, что названия животных в русском и китайском языках могут обозначать человека, выступая в переносном значении.

Не вызывает сложностей в понимании китайцами употребление следующих зооморфных метафор (в скобках будем указывать долю респондентов, давших на вопрос 2 ответ «Да»): *лиса* (100%), *медведь* (97%), *собака* (97%), *крыса* (97%), *петух* (95%), *жук* (95%), *обезьяна* (92%), *ворона* (92%), *осёл* (90%), *овца* (87%), *лошадь* (85%), *свинья* (82%), *змея* (82%). При этом наблюдается закономерная связь с длительностью изучения русского языка: магистранты, изучающие язык уже на протяжении 5-6 лет, показали бóльшую осведомлённость по сравнению со стажёрами, которые осваивают русский язык 3 года. Так, в 100% ответов магистрантов отмечена возможность употребления следующих слов как зооморфных метафор в русском языке: *крыса, лиса, обезьяна, собака, ворона, петух*.

Меньшее число опрошенных подтвердили возможность использовать следующие зоонимы в функции антропонимов: *тюлень* (79%), *попугай* (77%), *сорока* (77%), *червяк* (77%), *навлин* (77%), *рыба* (74%), *пиявка* (72%).

Мы также выяснили, что не все китайские студенты владеют информацией о том, какие зоонимы в их родном (китайском) языке могут метафорически употребляться для обозначения человека. Так, в китайской культуре не принято использовать по отношению к человеку следующие названия животных: *тюлень, жук*. Тем не менее значительная часть опрошенных указала, что эти слова в китайском языке могут быть зооморфными метафорами (для зоонима *тюлень* – 54%, *жук* – 54%). Разночтения в ответах студентов связаны с тем, что зооморфная метафора в китайском языке не носит общеязыкового характера, это диалектное явление: в разных местностях названия животных могут обозначать разные качества и свойства людей. Поэтому студенты из Китая, живущие на юге, не всегда могут быть уверены, что на севере страны в диалектах данное слово не используется как зооморфизм.

Далее проанализируем ответы на вопрос 3 («Напишите, какие человеческие качества, на Ваш взгляд, приписываются этим животным, птицам, рыбам, насекомым в русской культуре и в культуре Вашей страны»).

Крыса. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *крыса* входит в состав устойчивого сочетания *канцелярская крыса* и имеет значение ‘мелкий служащий, чиновник’. Также в русской языковой картине мира слово *крыса* применительно к человеку связано с понятиями подлости, низости, непорядочности. Как показал опрос, представление об этом имеет только 1 человек из 39 опрошенных. 17 человек дали близкие по смыслу ответы «трусость» (14), «хитрость» (3), которые тем не менее нельзя признать правильными. Ответы остальных студентов: «умный» (5), «находчивость» (3); «ничтожество», «маленький», «бедный», «слабый», «грязный», «быстрый» (по 1). 6 респондентов не смогли дать конкретное определение (их ответы выражают понимание отрицательной оценочности данного зооморфизма: «плохой», «нехороший»).

Лиса. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *лиса* имеет значение: «2. *перен.* Хитрый, лживый человек (разг.)». Большинство опрошенных (37 человек) знают это и дали правильный ответ; 2 респондента написали «умный».

Лошадь. Согласно данным словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *лошадь* входит в состав устойчивого сочетания *рабочая лошадь* и имеет значение «*перен.* О трудолюбивом человеке, безотказном работнике». Ответ «трудолюбие» дали 8 человек. Остальные ответы: «быстрота» (5), «спокойный» (2), «преданный, верный» (5); «ловкость, «упорный», «громадный», «трусость», «правдивый», «умный» (по 1).

Медведь. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *медведь* имеет значение: «2. *перен.* О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.)». Ответы «неловкий», «неповоротливый», «большой» дали 9 опрошенных. Остальные ответы: «смелый» (15), «сильный» (9), «крепкий», «добрый» (по 2), «милый» (1). По мнению большинства китайских студентов, зооморфизм *медведь* имеет мелиоративную, положительную окрашенность, в то время как в определении толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой окрашенность у данного слова отрицательная, пейоративная (неодобрительная).

Обезьяна. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *обезьяна* имеет значение: «2. *перен.* Человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.)». Также в русской культуре словом *обезьяна* могут называть человека физически ловкого, под-

вижного Ответы «дразниться», «изображает других» дали 12 человек, «ловкий» – 3 человека. Ответы остальных студентов: «умный» (11), «бойкий» (2), «шоу (делать что-то только для вида)» (2), «находчивость», «хитрый», «смелый» (по 1). 3 человека выразили мнение об общей положительной семантике данного зооморфизма, не дав конкретного ответа.

Овца. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *овца* входит в состав устойчивого сочетания *заблудшая овца* и имеет значение «перен. О сбившемся с правильного пути человеке (книжн. и ирон.)». Также в русской языковой картине мира слово *овца* применительно к человеку связано с понятиями покорности, безобидности, в молодежной среде – с понятием глупости. Правильный ответ дали 20 человек. Ответы остальных студентов: «милый» (7), «добрый» (3), «ласковый» (2), «боязливый», «честный», «о человеке, который скоро умрёт» (по 1 человеку).

Осёл. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *осёл* имеет значение: «2. перен. О тупом упрянце, глупце. (прост. бран.)». Этот ответ дали большинство опрошенных (31 человек). Ответы остальных студентов: «сильный» (2), «храбрость», «трусость», «неловкость» (по 1).

Свинья. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *свинья* имеет значение: «4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.)». Верные ответы дали 13 человек. Еще 14 человек дали близкие по смыслу ответы: «ленивый» (8), «грубый» (6). Остальные ответы: «добрый» (2), «умный», «гнусность», «неловкость» (по 1).

Собака. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *собака* имеет значение: «2. перен. О злом, грубом человеке (разг.)». Этот ответ дала бóльшая часть опрошенных (32 человека). Ответы остальных студентов: «честный», «дружеский», «храбрый», «добрый», «умный» (по 1). 2 студента указали лишь на общую положительную семантику, выражаемую, по их мнению, данным зооморфизмом.

Тюлень. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *тюлень* имеет значение: «2. перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг. шутол.)». Этот ответ дали 23 человека. Ответы остальных студентов: «умный» (5), «добрый» (2), «милый», «привидение» (по 1).

Рыба. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *рыба* имеет значение: «3. перен. Вялый, холодный человек (разг.)». Этот ответ дали 10 человек. Ответы остальных студентов: «ловкий» (4), «умный» (3), «молчаливый», «живой», «забывчивый» (по 2), «быстрота», «находчивость», «свободный», «немой», «красивый», «о том, у которого короткая память» (по 1).

Ворона. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *ворона* имеет значение: «2. перен. Зевака, ротозей (разг.)». Также в русской языковой картине мира слово *ворона* связано с таким человеческим качеством, как невнимательность. Верные ответы дали только 2 человека. 13 опрошенных дали близкие по смыслу ответы «праздность» (6), «небрежность» (5), «беззаботный» (2). Остальные ответы: «некрасивый» (6), «неумный» (4), «умный», «добрый», «удачливый», «честный», «живость» (по 1). 6 респондентов не смогли дать конкретное определение (5 человек указали, что слово выражает положительную оценку, а 1 – отрицательную).

Павлин. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *павлин* имеет следующее значение: «О том, кто хочет казаться важнее и значительнее, чем он есть на самом деле». Также в русской языковой картине мира слово *павлин* применительно к человеку связано с понятиями заносчивости, самолюбования, горделивости. Верные ответы дали 9 человек. Ответы остальных студентов: «красивый» (16 человек). 1 респондент указал на общее отрицательное значение данного слова, не указав конкретных человеческих качеств.

Петух. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *петух* имеет значение: «2. перен. О задорном человеке, забияке (разг.)». Этот ответ дали 26 человек. Ответы остальных студентов: «трусость» (4), «храбрый», «трудолюбивый», «глупость» (по 1). 4 человека не смогли дать конкретное определение, указав на общую положительную оценочность данного зооморфизма.

Попугай. Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, существительное *попугай* имеет значение: «2. перен. О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (разг. неодобр.)». На это указали 13 опрошенных. Остальные ответы: «умный» (6), «трусость» (2); «лицемерный», «шумный», «дебоширство», «трудолюбивый», «болтливый», «о чело-

веке не в себе» (по 1). Не смогли дать конкретное определение, указав на общую отрицательную оценочность, 3 человека.

Сорока. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *сорока* имеет значение «То же, что трещотка (в 3 знач.)» (ср.: *трещотка* – «3. м. и ж. Человек, который громко, без умолку, говорит, тараторя»). Таким образом, словарь свидетельствует, что в русской языковой картине мира зооморфизм *сорока* связан с таким качеством, как болтливость. Этот ответ дали 13 респондентов. Еще 7 опрошенных дали близкий по смыслу ответ «шумный». Ответы остальных студентов: «брюзгливый» (2), «умный», «решительный», «скандальный», «ворчливый» (по 1). 3 респондента не дали конкретного определения, указав на общую положительную оценочность (1 человек) и на общую отрицательную оценочность (2 человека).

Жук. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *жук* имеет значение: «2. перен. Ловкий человек, плут (прост., неодобр.)». Этот ответ дало большинство респондентов (30 человек). Ответы остальных студентов: «трудолюбивый» (2), «медлительный» (1). 2 человека не смогли дать конкретное определение, указав на общую отрицательную оценочность языковой единицы.

Змея. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *змея* имеет значение: «2. перен. О злом и язвительном человеке». Этот ответ дали 28 опрошенных. 2 человека дали близкий по смыслу ответ «хитрый» (2). Ответы остальных студентов: «осторожность», «щедрый» (по 1).

Пиявка. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *пиявка* имеет значение: «2. перен. О жадном, жестоком человеке, живущем за счёт других». Этот ответ дали 27 респондентов. Ответы остальных студентов: «сильный», «отвращение» (по 1). 1 респондент не смог дать конкретное определение, отметив общую отрицательную оценочность.

Червяк. Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, существительное *червяк* имеет значение: «2. перен. О жалком, ничтожном человеке (презр.)». Этот ответ дали 22 респондента. Ответы остальных студентов: «трудолюбивый» (3), «мучительный», «маленький», «быстрота», «приманка» (по 1).

Таким образом, проведенное экспериментальное социолингвистическое исследование показало, что в целом у китайских студентов, изучающих

русский язык, сформированы представления о том, что зоонимы в русском языке могут выступать в функции антропонимов. Были получены преимущественно правильные (положительные) ответы на вопрос, могут ли указанные в анкете 20 существительных-зоонимов использоваться в русском языке для номинации человека (по отдельным зооморфизмам верный ответ дали от 77 до 100% опрошенных). На вопрос, требующий более глубокого знания русского языка и русской культуры (с какими человеческими качествами связаны указанные зооморфизмы), ответило меньшее число опрошенных (в ряде анкет напротив некоторых слов либо были пропуски, ответы отсутствовали, либо были даны ответы, указывающие на общий положительный или отрицательный смысл зооморфизма – «хорошо»/«хороший», «положительный», «плохо»/«плохой», «нехороший», «отрицательный»). Большинство студентов дало верные ответы о значении следующих зооморфизмов (указываем долю правильных ответов от общего числа ответивших): *лиса* (95%), *пиявка* (93%), *жук* (91%), *змея* (88%), *осёл* (86%), *собака* (84%), *петух* (79%), *тюлень* (72%), *червяк* (72%), *овца* (59%). Результаты проведённого опроса свидетельствуют о достаточно низком уровне сформированности представлений китайских студентов, изучающих русский язык, о следующих русских зооморфных метафорах (указываем долю правильных ответов от общего числа ответивших): *попугай* (46%), *сорока* (46%), *обезьяна* (38%), *свинья* (34%), *рыба* (34%), *навлин* (32%), *лошадь* (29%), *медведь* (24%), *ворона* (7%), *крыса* (3%). Полученные результаты показали, что наименее чёткие представления китайские студенты имеют о зооморфном значении существительных *медведь* и *рыба*, так как большинство ответов содержит указания на положительные человеческие качества, тогда как значение данных зооморфизмов в русской языковой картине мира является пейоративным.

Литература

1. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011.
3. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
4. Теория метафоры: сб. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
5. Цзян Я., Редькина О. В. Зооморфная метафора как языковое явление: обзор литературы и данные толкового словаря // На пересечении языков и культур.

Актуальные вопросы гуманитарного знания: науч.-метод. журнал. Киров, 2016. № 2-3. С. 69–74.

6. Цзян Я., Редькина О. В. Источники зоотропной лексики в русском языке [Электронный ресурс] // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сб. ст. Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. / Вят. гос. ун-т. Киров, 2017. С. 2960–2968. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30615391>

7. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. 176 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.3

В. П. Борисова (г. Якутск)

Якутская государственная сельскохозяйственная академия

Нравственно-этические нормы традиционной культуры как фактор формирования межкультурной компетенции в неязыковом вузе

Формирование межкультурной компетенции у студентов-билингвов сельскохозяйственного вуза в процессе обучения иностранному языку проходит в условиях трилингвизма и на стыке трёх культур. В этих условиях для успешного развития межкультурной компетенции нравственно-этические нормы родной культуры играют немаловажную роль и являются одним из факторов её формирования.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, студенты-билингвы, нравственно-этические нормы, традиционная культура

Специфика высшего аграрного образования в Республике Саха (Якутия) заключается в подготовке специалистов для регионов Крайнего Севера по этнообразующим отраслям производства. Развитие таких специальных способностей, как межкультурная компетенция студентов сельскохозяйственного вуза, связанных с владением иностранным языком, является одним из факторов формирования личностных качеств будущих специалистов и повышения качества их профессиональной подготовки. Формируемая нами межкультурная компетенция состоит из 4 компонентов (лингвосоциокультурного, дискурсивного, стратегического и предметно-профессионального), которые принадлежат к языковому и экстралингвистическому уровням.

Как было установлено в ходе исследования, нашими студентами являются билингвы (в основном выходцы из сельских территорий Республики Саха (Якутия), двуязычие которых тесно связано с понятием «бикультурализм»). В данном исследовании обучение английскому языку как иностранному для формирования межкультурной компетенции у студентов-билингвов проходит в условиях искусственного субординативного трилингвизма, где РЯ-1 – родной язык (якутский), ПНЯ-2 – первый неродной язык (русский) и ВН(И)Я-3 – второй неродной (иностранной) язык (английский). При этом три контактирующих языка принадлежат разным языковым семьям и обладают разной структурой.

При формировании межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку соприкасаются не только три языка, но и три культуры, где родная культура для студентов-билингвов является основой развития данной компетенции.

Традиционная народная культура (или этническая культура) – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных тем или иным народом (этносом) [2].

Рассматривая *роль нравственно-этических норм традиционной якутской культуры* при формировании межкультурной компетенции мы основывались на личностно-деятельностном походе, в основу которого положены идеи психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева. Личностный компонент данного подхода предполагает обучение любому предмету с учетом «национальных, половозрастных, индивидуально-психологических, статусных особенностей обучающегося» [4, с. 76].

Западная модель общественного прогресса значительно отличается от якутского традиционного мировоззрения. Разделяя мнение О. Н. Птицыной [7, с. 13], мы считаем, что в вуз приходит человек, воспитанный в определенной этнической среде, и при этом он несет на себе отпечаток этой среды.

А. В. Мордовская утверждает, что «исторические, социально-экономические, географические, природно-климатические условия способствуют формированию этноса, его традиционной культуры, национальной психологии. При этом общность происхождения народа, специфика его хозяйственно-культурной деятельности, своеобразие традиций общения, демографические особенности оказывают влияние на появление общих сходных черт,

проявляющихся в его самобытности, особом восприятии, осмысливании объектов окружающего мира» [5, с. 14].

Как справедливо полагает У. А. Винокурова [1, с. 538], в современном человеческом сообществе фактор этничности начинает приобретать характер глобального распространения, а учет этнической самоидентификации и этнического самосознания особенно важен для профессионального развития личности.

Надо помнить, что типичными трудностями межкультурного общения являются несоответствие стереотипов восприятия, непонимание мотивов, ценностных ориентировок, языковых и внеязыковых сообщений, неадекватность, невозможность приспособления путем копирования. Таким образом, межкультурное общение является своеобразной лакмусовой бумажкой для выявления особенностей, характеризующих тот или иной менталитет [6, с. 104–105].

Как уже отмечалось, процесс формирования межкультурной компетенции у студентов-билингвов происходит не только в условиях триязычия, но и на стыке трех культур. В связи с этим родная культура студентов-билингвов имеет первостепенное значение для формирования их межкультурной компетенции.

В связи с ограниченностью часов, отводимых на обучение иностранному языку, в рамках формирования МКК не представляется возможным охватить все аспекты и разнообразие культурного наследия. При обучении иностранному языку для формирования межкультурной компетенции проблема интерференции и трансференции охватывает не только её языковой уровень, но и экстралингвистический уровень (внеречевое поведение, социокультурные знания, способность интерпретировать и соотносить события и др.). Для более эффективного формирования компонентов на экстралингвистическом уровне предполагается использование *сравнительно-сопоставительной методики при формировании* межкультурной компетенции у студентов-билингвов. Поэтому в данном исследовании в первую очередь *нравственно-этические нормы родной традиционной культуры* рассмотрены как основа развития компонентов межкультурной компетенции на экстралингвистическом уровне.

Кодексы поведения, содержащие социальные нормы, хорошо известны и содержатся в устном народном творчестве (пословицах, поговорках), в

системе воспитания, получившей название «народная педагогика», в обыденной культуре [8, с. 60–63].

В основе нравственной культуры якутов лежат их религиозные верования, которые определяют нравственно-этические нормы поведения. Во всей гамме взаимоотношений людей исходной позицией регламентации отношений выступает гуманистическая формула социальной философии: «Айыы киһитэ аһыныгас, кун киһитэ кемускэс» («Изначально добрый, изнутри обязательный») [9, с. 58–59]. Учением Айыы выработаны определенные нормы нравственности: «Никогда не убивай, не разрушай, не ломай», «Не будь зловредным и жестоким». С малых лет дети узнают, что несоблюдение правил, изложенных в Учении Айыы, приводит к нарушению гармонии. Это фактически материализованное требование к поведению человека. К общепринятым нормам поведения якуты в давних времен относили совокупность определенных человеческих качеств и достоинств, характерных для «Айыы аймаа» (племени Айыы).

Мы принимаем во внимание критерии различий естественного и искусственного билингвизма, предложенные Е. К. Черничкиной [10], которая утверждает, что постижение иноязычной культуры у естественного билингва начинается с бытового уровня, а при искусственном билингвизме – с духовных ценностей.

А. Г. Новиков [6, с. 100–105] включает в ценностные ориентации человека совокупность предрассудков, стереотипов, установок, норм, правил поведения, отношение к чему-либо и его цели, полученные в ходе социализации, и приходит к выводу, что комплекс ценностных ориентаций и норм поведения, характерный для народа саха, имеет следующие черты:

- 1) четкое деление по принципу «свой – чужой»;
- 2) закрытая коммуникативная система;
- 3) превалирование неформальных форм и правил поведения в быту;
- 4) наличие устойчивого недоверия государству, как выразителю чужой воли;
- 5) контроль за членами социальных групп со стороны группы;
- 6) социальная зависимость индивида от группы, сочетающаяся с экономической самостоятельностью.

В рамках нашего исследования при развитии межкультурной компетенции с учетом психолингвистических особенностей и менталитета якут-

ско-русских билингвов необходимо следующее: развить способность интерпретировать и соотносить события с помощью образов своего национального сознания; умение тройного видения ситуации и восприятия речевых действий с позиций родной шкалы культурных ценностей, способность различать модели речевого и неречевого поведения, поскольку на понимание общечеловеческих положительных норм поведения при межкультурном общении влияют нравственно-этические нормы поведения традиционной якутской культуры.

Основными процедурами приобщения обучающихся к иноязычной реальности являются сравнение и анализ фактов, феноменов соприкасающихся культур, что предполагает вовлечение широкого спектра сведений, отражающих как общероссийскую социокультурную, так и этнокультурную действительность [3].

Осознание своей культурной идентичности через призму нескольких культур является немаловажным фактором формирования межкультурной компетенции у студентов-билингвов. В процессе обучения иностранным языкам в целях формирования межкультурной компетенции у студентов-билингвов необходимо найти оптимальные пути для сохранения родной культуры при приобщении к другой.

Таким образом, следует полагать, что одной из наилучших стратегий процесса аккультурации (освоения) чужой культуры является интеграция, дающая в результате бикультуральную или мультикультуральную личность. Сравнительно-сопоставительный анализ на уровне культур дает глубокое понимание другой иноязычной культуры; осознание нравственно-этических норм культуры родного языка и первого неродного языка является одним из факторов формирования межкультурной компетенции в неязыковом вузе в процессе обучения иностранному языку.

Литература

1. Акмеология: учебник / под общ. ред. А. А. Деркача. М.: РАГС, 2002. 650 с.
2. Гладилина И. П., Королева Г. М. Роль традиционной культуры в консолидации современного общества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsionnoy-narodnoy-kultury-v-konsolidatsii-sovremenogo-obschestva>

3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: ИЦ «Академия», 2006. 333 с.
4. Евдокимова М. Г. Особенности становления вторичной языковой личности студента в неязыковом вузе // Социосфера. 2013. С. 215–220.
- 5.. Мордовская А. В. Этнопедагогические условия формирования жизненного и профессионального самоопределения старшеклассников (на примере РС(Я): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. М., 2000. 357 с.
6. Новиков А. Г. О менталитете народа саха. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте Республики Саха (Якутия), 1995. 141 с.
7. Птицына О. Н. Особенности самоорганизации якутских студентов в учебной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Якутск, 1995. 152 с.
8. Сидорова Л. А. Этическая концепция религиозно-философского учения Айыы // Вестник СВФУ. 2013. Т. 10. № 1. С. 60–63.
9. Уткин К. Д. Сборник трудов: в 15 кн. Кн. 1: Самовыбор: парадигма Севера. Якутск: Бичик, 2004. 288 с.
10. Черничкина Е. К. Концепция искусственного билингвизма в теории языка. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 231 с.

УДК 37.035.4

*Л. М. Героева (г. Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный институт культуры*

Музей в воспитании гражданственности как метод театральной педагогики

В статье рассматривается взаимодействие театральной педагогики и музея как средства гражданского воспитания детей. Анализируется содержание работы театральной педагогики и музейной педагогики. Автор делится собственным опытом педагогической работы с детьми средствами театральной педагогики.

Ключевые слова: театральная педагогика, музейное дело, музейная педагогика, патриотическое воспитание, воспитание искусством

Гражданственность проявляется в поступках и деятельности человека, проходя через целый ряд этапов развития и изменения на пути к своей зрелости. Многовековая история нашего народа свидетельствует, что без воспи-

тания гражданственности немислимо создание сильного самостоятельного государства.

Обращение с детского возраста к духовному опыту человечества, к национальной культуре способствует нравственно-эстетическому и художественному воспитанию ребенка. В этом случае эмоциональный и духовный потенциал детей обогащается; развивается чувство взаимопонимания, дружбы и сотрудничества; раскрываются творческие способности, ярко вырисовываются потребности на основе понимания истинных ценностей. Об этом говорят исследования А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского, С. Т. Шацкого, Б. В. Асафьева, Д. Б. Кабалевского; труды Песталоцци – все эти педагоги, независимо друг от друга, открыли, обосновали и осмыслили основной закон воспитания. К. Д. Ушинский писал: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями».

Театральная педагогика, наряду с выполнением общеобразовательных задач, решает задачи художественно-эстетического направления и духовного развития личности ребенка, то есть на начальной ступени осуществляет активизацию художественно-образной деятельности школьников, которая, в свою очередь, приводит к формированию гражданственности личности. В пространстве детского любительского театра должна действовать особая педагогическая модель, которая способствует социокультурному развитию детей. Игровое театральное образовательное пространство, в которое помещается ребенок, должно представлять собой совокупность таких условий, которые обеспечивают теоретически, методологически, содержательно максимально художественно-образную комфортную среду, обеспечивающую органическую целостность развития интеллекта в единстве с эмоциональным миром ребенка в целях формирования образованной и эстетически социализированной личности.

Музей в современном обществе является как научным, просветительским учреждением, так и центром культуры, который решает задачи воспитания и развития личности. Музей в целом, а также музейные экспонаты имеют возможность воздействовать на интеллектуальную и эмоциональную сферу личности ребенка. Вместе с тем каждая выставка и экспозиция пред-

ставляют собой целый арсенал передачи знаний, навыков, суждений, оценок и чувств. Музей формирует у юного гражданина чувство собственной сопричастности к тому, что происходит в окружающем мире, усиливает его стремление принять непосредственное участие в основных событиях, происходящих в государстве, способствует зарождению в ребенке чувства милосердия. Посещение музеев – это своего рода виртуальное путешествие в историческое и невероятное по своему эмоциональному накалу историческое время. У музеев большие возможности для решения задач, связанных с воспитанием гражданственности у детей. Музей в полной мере можно назвать «волшебной машиной времени», благодаря которой дети могут совершить путешествие в минувшее, увидеть прошлое и сопоставить его с днем сегодняшним, сравнить события различных времен, что даёт реальную возможность планировать будущее [1; 2; 3; 4].

Музей обладает поразительными свойствами сохранения национального духа, культурного наследия общества и его лучших художественных ценностей – иными словами, кода национальной идентичности. И в этом кроется большой потенциал музея. Именно такой потенциал и реализуется как основной в форме воспитательной работы театральной педагогики режиссерами-педагогами «Детского центра эстетического развития и актерского мастерства» имени А. Ю. Хочинского города Санкт-Петербурга, находя свое отражение в работе студий центра, его творческих лабораторий.

Театральная студия ставит своей целью раскрытие творческих способностей на основе изучения музейных собраний – эта форма предусматривает эстетическое развитие детей и направлена на формирование навыков художественного творчества. Творческая лаборатория рассматривается как объединение заинтересованных лиц, представителей различных детских театральных коллективов города Санкт-Петербурга, осуществляющих экспериментальную научную деятельность в сочетании с творческой практикой на примере общей постановочной деятельности какого-либо драматургического произведения. Содержание культурно-образовательной деятельности, характер контактов музея с детьми, мотивация их посещения определяются теми творческими задачами, которые ставятся в детском театральном коллективе режиссером-педагогом при работе над драматургическим материалом и лекционно-практическими занятиями. Практика показывает, что чем раньше начинается

работа по приобщению детей к музею, тем ощутимее будет социально-педагогический эффект, который приведет к гармонизации личности [5].

Педагоги детского центра используют в своей работе такую форму, как музейный урок – это своеобразные творческие тренинги по восстановлению исторических событий и биографий людей по просмотренным экспозициям музеев, причем основное внимание в таких упражнениях уделяется развитию внимания, фантазии и воображения.

Многие музейные уроки преобразуются в уроки драматургии. Дети, посетив музей, выбирают, каждый для себя, определенное живописное произведение и на первом этапе составляют краткий повествовательный рассказ, который сформировался в их воображении после просмотра картины. Затем они приступают к освоению первоначальных навыков в теории драматургического произведения, учатся составлять диалоги и связки событий, грамотно планировать развитие сюжета и создавать образы героев. В результате этой кропотливой работы складывается сюжетная линия и возникает структура будущей пьесы. Такая работа, безусловно, требует очень внимательного отношения со стороны педагога, но она дает свои положительные результаты, потому что дети не только учатся владеть своей фантазией и воображением, но и овладевают словом и литературным языком, а также правилами грамматики и правописания.

Конкурсы и викторины, связанные с тематикой музеев, входят в программу теоретических курсов «История театра», «История русского искусства» и «Античные мифы в мировом искусстве». Такие конкурсы проводятся в центре по системе олимпиад, когда выявляются победители, получающие титул «Знаток года». В последнее время эта премия стала настолько популярной, что в борьбу за нее включились не только старшие школьники, но и учащиеся начальной школы. Характерная деталь: выпускники центра, ставшие победителями в этой номинации, стопроцентно поступали в творческие вузы на отделения режиссуры.

В старших группах центра был опыт проведения необычных занятий по сценической речи, связанных с постановкой дыхания и мембранного звука, которые проходили в Исаакиевском соборе. Выбор этого музея для таких занятий не случаен: огромное помещение старой архитектуры с удачно расположенными вертикальными колоннами создает особую атмосферу, спо-

собствующую тому, чтобы услышать «звук в себе», не мешая при этом окружающим.

Маленькому актеру связь с музеем необходима как процесс диалога со своим персонажем, который нельзя считать завершенным без события, соучастия, акта собственного творчества, коим и является его сценическое воплощение, выраженное в виде спектакля, поэтому была важна конкретная деятельность личности, продукт ее творчества, соучастие в нем.

Русский музей органично вписывается в ткань сюжетно-ролевой игры, значительно способствуя погружению учащихся в соответствующую эпоху. Преподаватели, занимающиеся театральной педагогикой, в полной мере используют возможности этого музея, прекрасно понимая, что посещения Русского музея решают целый комплекс задач. Они связаны с активностью поведения учащихся в музее, развитием ассоциативного мышления и воображения, собственной художественной деятельности детей, приобщением к истории и культуре, когда музейные предметы, произведения искусства максимально приближены к детям: подобрана соответствующая мебель, картины художников того времени, продумано экспозиционное решение. А поскольку художественное воспитание по программе «Детского центра эстетического развития и актерского мастерства» имени А. Ю. Хочинского основано на изучении русской классической драматургии, то интерес к Русскому музею вполне понятен.

Посещение Этнографического музея способствует осознанию детьми собственных родовых корней, знакомит их с бытом народа, дает представления об истории костюма, внешних чертах людей – все это пригодится при создании будущих персонажей. Связь человека с предметами обихода – это немаловажная часть в обучении юных актеров и деятельности театра вообще, так как в основе всякой театральной постановки лежит физическое действие, где каждый персонаж должен быть занят определенным делом, характерным для его значимости по пьесе.

Безусловно, одним из фундаментальных источников, где собраны шедевры отечественной и мировой культуры, является Государственный Эрмитаж. Это поистине «золотая кладовая» культурного наследия, соприкосновение с которым возвышает духовное начало любого человека. Посещение учащимися центра Галереи героев 1812 года в экспозиции Эрмитажа, посвященной победе русского народа в Отечественной войне 1812 года, стало

хорошей иллюстрацией при постановке спектакля «Как не выветрить славы с российских знамен...» на стихи русских поэтов В. Жуковского, А. Пушкина и участников войны 1812 года, поэтов Д. Давыдова и Ф. Глинки. Посещение музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке стало «живым» соприкосновением с творчеством великого русского поэта и помогло детям глубже понять и «русский дух», и «бунтарскую» сущность его произведений, проникнуться атмосферой времени поэта, событиями его жизни, а также понять, что могло быть движущей силой в его поступках и действиях. Однако педагоги центра не ограничивают детей только визуальным осмотром экспозиции – на занятии требуется деятельное участие самого ребенка, в частности его изобразительная деятельность. Детям было предложено самим нарисовать эскизы своих костюмов, даже представить модели декораций. А самое главное то, что весь реквизит был выполнен детьми: знамена, штандарты, оружие, эполеты, веера, лорнетты и другие предметы обихода того времени.

В театральной педагогике преподавателей «Детского центра эстетического развития и актерского мастерства» имени А. Ю. Хочинского часто посещаемыми и любимыми залами Русского музея являются залы, где представлена живопись И. Крамского, И. Репина, В. Перова, В. Васнецова, Д. Левицкого, И. Айвазовского. Это связано прежде всего с репертуарной политикой театральных студий, входящих в состав центра, так как основная часть постановок театра, где играют дети, – это сказки и инсценировки сказочных сюжетов. С целью прикосновения к этой идее детям предлагалось выбрать в изображении на картине наиболее понравившиеся элементы костюма и реквизита для разработки своих собственных. Видимые мысли и образы становились реальными, и когда они соединялись со словами (текстом пьесы), то составляли истинную атмосферу существования ребенка в предлагаемых обстоятельствах.

Система профессиональной подготовки по актерскому мастерству для юных актеров включает в себя разнообразные тренинги, упражнения и этюды. Среди них особое место занимают занятия с использованием репродукций произведений живописи. Педагог по своему выбору предлагает детям репродукцию, и после внимательного ее рассмотрения и обсуждения они должны составить сначала «живую картинку» – скульптуру по картине, а потом «озвучить» ее текстом, придуманным в зависимости от сюжета, увиденного на картине. Получается, что дети сами становятся в творческой игре

художниками и драматургами. Очень часто после посещения музея с детьми проводят тренинги на развитие моторной памяти и внимания: где находится та или иная картина, что происходило в музейном зале во время посещения, кто из посетителей музея привлек их внимание и почему, а главное – предлагается задание: составить картину по памяти.

В культурно-образовательной системе, основанной на взаимосвязи деятельности музеев и театральной педагогики, заложен большой педагогический потенциал: она способна эффективно воздействовать на формирование гражданственности, патриотических качеств, нравственности личности, поликультурного сознания, создавать условия для формирования личности, способной к самовоспитанию и саморазвитию, способствовать ее социокультурной адаптации. В этой работе заключен важный аспект, состоящий в обогащении духовной жизни, рациональной организации досуга. Следует отметить, что такую работу надо начинать еще в ранний период развития детской личности, включая старший дошкольный возраст. В период младшего школьного возраста – усиленно развивать, то есть тогда, когда ребенок не только начинает приобретать знания, но и воспринимает накопленный исторический опыт, усваивает культурные, эстетические, нравственные ценности, то есть получает мировоззренческий и эмоциональный заряд. В дальнейшем, в более старшем школьном возрасте, усвоенные первоначальные знания необходимо закреплять и развивать с усложнением творческих задач. Только в этом случае мы получим положительный педагогический результат воспитательного процесса, основанный на идентичности национальной культуры.

Литература

1. Ванслова Е. Г. Музейный всеобуч: науч.-практ. рекомендации. М.: НШТК, 1988. 134 с.
2. Волчкова М. А. Педагогические условия развития творческих способностей детей в музейно-усадебной микросреде: дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2002. 182 с.
3. Именнова Л. С. Социально-педагогическая деятельность краеведческого музея: история, теория, методика: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 213 с.
4. Коссова И. М. Культурно-образовательная деятельность музеев: Тенденции и перспективы // Культурно-образовательная деятельность музеев: сб. трудов

творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. М.: Брандес, 1997. 119 с.

5. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2005. 183 с

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

*В. Д. Петухов (г. Киров)
Вятский государственный университет*

Русская провинция в повести В. А. Соллогуба «Тарантас»

В статье рассматривается изображение русской провинции в повестях В. А. Соллогуба. Находясь под влиянием «Ревизора» и «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, Соллогуб, тем не менее, сумел творчески переработать гоголевские сюжеты и создать собственный художественно полноценный мир русской провинции.

Ключевые слова: русская литература XIX века, В. А. Соллогуб, «Тарантас», русская провинция

За описание жизни русской провинции в отечественной литературе брались многие известные писатели, но ассоциируется она у читателя в первую очередь с Н. В. Гоголем. Так, ученый Р. Казари считает, что именно поэма Гоголя «Мертвые души» заложила «парадигму провинциального текста в русской литературе» [1, с. 164]. Помимо «Мертвых душ» также уместно будет вспомнить и комедию «Ревизор», где, согласно автору, единственным честным и благородным лицом является смех, с помощью которого автор обличает нечистых на руку чиновников уездного города. И хотя эпиграф «Ревизора» («На зеркало неча пенять, коли рожа крива») подразумевает, что зритель в первую очередь смеется над собой, а не над конкретными персонажами, далеко не вся «просвещенная» публика правильно поняла авторский замысел. Это особенно важно, если учесть, что именно гоголевские произведения обозначили ярко выраженный сатирический вектор в изображении провинции в художественной литературе. И что уж тут греха таить, во многом благодаря великой гоголевской сатире типичным «лицом» провинции в русской литературе можно, скорее, признать Ляпкина-Тяпкина, а вовсе не «русскую душой» Татьяну Ларину.

Современник Гоголя, известный писатель В. А. Соллогуб еще тогда, в сороковые годы XIX века, уловил этот, быть может, незаметный на первый взгляд нюанс восприятия публикой гоголевских произведений. Характерным примером может служить эпизод из повести Соллогуба «Аптекарьша», где писатель продемонстрировал «эффект “Ревизора”» в действии: «Смотрите же, – пишет в письме светская дама барону Фарингейму, главному герою повести, который по делам оказался в маленьком уездном городишке, – с вашей стороны не влюбитесь в какую-нибудь жену *этих монстров, которых я видела в “Ревизоре”*» [2, с. 157].

Гоголевских типов в повести действительно много: тут и городничий, вечно рассказывающий о польках, и заискивающий перед столичным гостем франтик-сплетник, а также многочисленный «лихой народ» с говорящими фамилиями (Криворожий, Надулин, Ворышев), который (любимый гоголевский прием) в тексте живет исключительно в рассказах и сплетнях «аборигенов». Само же действие развивается на фоне «*луж с утками, грязной зелени, баб с тряпьем, тарантаса с заседателем, домиков с разбитыми стеклами, заклеенными бумагой*» [2, с. 189].

Однако в этой абсолютно гоголевской атмосфере Соллогуб иронизирует не над недалекими провинциалами, а именно над столичным гостем, который, скуки ради, решив поволочиться за местной аптекаршей, неожиданно для самого себя влюбился в нее – жену одного из «этих монстров». Но завязавшийся было легкий водевильный сюжет превращается в настоящую высокую трагедию, когда Соллогуб выводит на первый план мужа аптекарши – не «монстра», не карикатурного рогоносца, а человека, готового во имя чистой и непорочной любви пойти на подвиг самоотречения и пожертвовать собственным счастьем ради любимой женщины, что ставит скромного аптекаря, «маленького» человека, несравнимо выше столичного горе-обольстителя. Таким образом, Соллогуб попытался провести просвещенного читателя «за кулисы “Ревизора”» и показать, что в провинции живут не одни только бобчинские с добчинскими, но и самые обыкновенные *живые* люди со своими чувствами и душевными терзаниями.

В ином, более сатирическом ключе Соллогуб продолжает тему уездных «монстров из “Ревизора”» в повести «Собачка», где предприимчивый жулик-городничий воплощает в жизнь рассказ гоголевского Ляпкина-Тяпкина и буквально берет взятку собакой, но в отличие от Ляпкина-

Тяпкина масштаб городничего, конечно же, шире, а потому он требует от своего «взякодателя» *«пятьсот рублей себе, триста рублей архитектору, жене шаль в триста рублей»* [3, с. 391].

Однако у Соллогуба городничий, оставаясь безусловным жуликом, довольно неожиданно превращается в жертву – кого бы вы думали? Ревизора! Того самого, которого так боится любой городничий! Признание соллогубовского городничего производит эффект, соизмеримый с прибытием настоящего ревизора из гоголевской комедии: *«- А что бы ты на то сказал, – продолжал городничий, наклонясь на ухо к своему собеседнику, – если и сам-то я иначе делать не мог, если б с ярмарки-то надо было мне самому поднести господину губернскому чиновнику пятнадцать тысяч рублей, – ты мне их, что ли, дашь?.. а?..»* [3, с. 396].

Соллогуб тем самым сатирически восстанавливает «справедливость», нарушенную Хлестаковым, который принял от городничего и компании то, что изначально предназначалось вовсе не ему, а как раз ревизору. Таким образом, ревизор Соллогуба является вовсе не символом неизбежного наказания за все прегрешения, а самым обыкновенным взяточником, только рангом повыше.

В самом знаменитом своем произведении, повести «Тарантас», Соллогуб иронизировал уже над «прогрессивной» столичной публикой, обобщенный образ которой он вывел в одном из героев повести, Иване Васильевиче, чьи парадоксальные взгляды вызвали, пожалуй, чересчур серьезную полемику ведущих критиков тогдашней эпохи. Одни уверяли, что Иван Васильевич – карикатура на так называемых «западников», другие, напротив, считали героя Соллогуба памфлетом на «славянофилов». Парадокс воззрений Ивана Васильевича, на наш взгляд, заключается в том, что, не являясь ни западником ни славянофилом, он ухитряется одновременно быть и тем и другим. Соллогуб тем самым не иронизирует над представителями какого-то конкретного направления русской мысли – он иронизирует, скорее, над самим типом «прогрессивного человека». Родину они любят, причем каждый по-своему, но совершенно ее не знают, причем ни те ни другие.

Недаром Иван Васильевич, задумавший «изучить свою Родину» [4, с. 323], с грустью подмечает, что «по России не развешаны вывески, по которым можно было прочесть всю жизнь ее, все, что было, что есть и что будет. Одной поездки в Мордасы для подобного изучения как-то мало. Нуж-

но еще кое-что другое. Нужны еще вечная настойчивость, вечный терпеливый труд с самого младенчества, в течение целой жизни. А этого, кажется, немало. Надо было вникать в самую глубину всякого предмета, потому что из гладкой наружной поверхности ничего не извлекалось. Надо было отыскать, как ключа загадки, тайного, иногда высокого смысла всякого прозаического проявления, попадавшегося на каждом шагу» [4, с. 320].

А всего этого у Ивана Васильевича нет, ибо Соллогуб верно вывел и главную черту людей подобного склада: он *«был человек слабого свойства. По мере того как он встречал затруднения, он не старался их одолевать, а изменял свои предприятия. Таким образом, мало-помалу отказывался он, как мы видели, от прекрасных изучений, от важных открытий, к которым для блага человечества готовился с таким жаром»*. [4, с. 320]

Отсюда и образ знаменитой путевой тетради, в которую Иван Васильевич собирался заносить богатые впечатления от поездки, но которая в итоге так и осталась пустой, приобретает дополнительную смысловую нагрузку. Россия, которую *хотел* описать Иван Васильевич, не совпадает с Россией, которую он увидел. Чистая тетрадь, таким образом, являет собой пример категорического непонимания действительности русской жизни, что делает пафосную болтовню Ивана Васильевича о том, как нам обустроить Россию, бессмысленной.

А записки были бы стоящие, ведь «тарантас» Соллогуба, подобно гоголевской тройке, также мчится по всей Руси, но если Гоголь, используя все богатство юмористического арсенала, в первую очередь представлял нам на суд мертвые души, то Соллогуб же только с доброй улыбкой по-прежнему знакомил читателя лишь с живыми людьми, которые, быть может, напоминаются не так хорошо, как, допустим, скряга Плюшкин или хам Ноздрев, но которые тоже есть на свете и заслуживают не справедливого осмеяния, а обычного человеческого сострадания.

Взять хотя бы чиновника, от которого Иван Васильевич отскакивает, будто от гоголевской нечистой силы: *«...вдруг Иван Васильевич с внезапным ужасом отскочил на три шага назад. Навстречу к нему подходил чиновник»* [4, с. 328]. Однако, как это ни странно, среди чиновников тоже есть люди, одного из которых нам и показывает Соллогуб: на нем ветхая одежда, сам он уже стар и еле передвигает ноги, но у него восемь детей, которых надо кормить, слепой брат и две сестры, которым надо помогать, и при этом он

живет исключительно на жалованье и подарков не принимает: «Начальство теперь строгое, смотрит за нашим братом... Что год, то пять-шесть человек в уголовную...» [4, с. 330].

А стационарный смотритель, за которого подорожные подписывает сын Ваня, не потому что отец пьяница или лентяй, а потому что у него «второй год обе руки, обе ноги отнялись» [4, с. 331]. Явная переключка с пушкинским стационарным смотрителем в «гоголевском» произведении ярко показывает контраст между представлениями героя и реальной жизнью: «Странное дело! – подумал, задумавшись, Иван Васильевич. – Когда я входил в эту комнату, мне хотелось сердиться и презирать или по крайней мере насмеяться вдоволь; а теперь, сказать правду, едва ли не плакать хочется» [4, с. 322].

Несколько другое значение приобретает и кульминация повести – знаменитый сон Ивана Васильевича, в первой части которого перед нами предстает поистине гоголевская картина: «Огромный медведь сидел, скорчившись, на камне и играл плясовую на балалайке. Вокруг него уродливые рожи выплясывали вприсядку со свистом и хохотом какого-то отвратительного трепака... Кочерги в вицмундирах, летучие мыши в очках, разряженные в пух франты с визитной карточкой вместо лица под шляпой, надетой набекрень, маленькие дети с огромными иссохшими черепами на младенческих плечиках, женщины с усами и в ботфортах, пьяные пиявки в длиннополых сюртуках, напудренные обезьяны во французских кафтанах, бумажные змеи с шитыми воротниками и тоненькими шпагами, ослы с бородами, метлы в переплетах, азбуки на костылях, избы на куриных ножках, собаки с крыльями, поросята, лягушки, крысы... Все это прыгало, вертелось, скакало, визжало, свистело, смеялось, ревело так, что своды пещеры тряслись до основания и судорожно дрожали, как бы испуганные адским разгулом беснующихся гадин...» [4, с. 342–343].

Неужели это Россия? Нет. Россия при всех ее очевидных недостатках никогда не была такой в действительности, но, к сожалению, была и остается такой по сей день в *представлении* тех людей, кто никогда Россию не видел или видеть отказываются. Это же, к сожалению, можно сказать и о второй части сна Ивана Васильевича, который даже во сне остается все тем же Иваном Васильевичем, просто переходит из одной крайности ложного представления о том, какая Россия есть, к другой такой же крайности ложного представления – о том, какой Россия должна быть, но какой она тоже никогда не будет.

А настоящее знание о том, что такое Россия, пожалуй, дано второму герою повести – Василию Ивановичу, о котором еще не было сказано ни слова. Хотя, казалось бы, что он, помещик, внешне так похожий на Собакевича, не самого большого ума, вечно невпопад отвечающий на все восторженные речи Ивана Васильевича, а порой и вовсе засыпающий под его монологи, он-то что может об этом знать! А между тем в первой же беседе со своим будущим попутчиком он парадоксальным образом дает Ивану Васильевичу самый простой и единственно верный рецепт: «По-моему, – сказал Василий Иванович, – я нашел тебе самое *лучшее средство изучить Россию – жениться. Брось пустые слова...* Женись-ка, право, да ступай жить с стариком. Пора и о нем подумать... Ты ведь думаешь, в деревне скучно? Ничуть. Поутру в поле, а там закусить, да пообедать, да выспаться, а там к соседям... А именины-то. А псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?.. Житье, брат... что твой Париж. Да главное, как заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь сам-восемь, да на гумне столько хлеба наберется, что не успеешь молотить, а в кармане столько целковых, что не сочтешь, – так, по-моему, ты славно будешь знать Россию – а?..» [4, с. 223–224].

К сожалению, рамки статьи не позволяют более детально проанализировать изображение провинциальной России в «Тарантасе» и других повестях Соллогуба. Но, как нам видится, Соллогуб, во многом придерживаясь сатирической гоголевской традиции в изображении провинции, тем не менее сумел найти в своем творчестве баланс между ироническим изображением провинциальной действительности и самой действительностью, далеко не всегда бывающей только смешной.

Литература

1. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 164–170.
2. Соллогуб В. А. Аптекарьша // Соллогуб В. А. Тарантас. Повести. СПб.: Азбука, 2012. С. 107–164.
3. Соллогуб В. А. Собачка. Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 373–397.
4. Соллогуб В. А. Тарантас. Повести и рассказы. М.: Правда, 1988. С. 220–355.

Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в СССР

В статье рассматривается полемика по поводу одной из наиболее важных в пушкинской биографии методологических проблем — проблеме автобиографичности творчества поэта. Результаты данной полемики, происходившей в отечественной науке о литературе в 1920-30-е годы, могут быть полезны в деле создания научной синтетической биографии А. С. Пушкина.

Ключевые слова: история пушкиноведения, автобиографизм в литературе, М. О. Гершензон, В. Ф. Ходасевич, В. В. Вересаев, Б. В. Томашевский

Проблема автобиографичности творчества Пушкина являлась и является одной из важнейших в пушкинистике. Настоятельность ее разрешения была вызвана необходимостью с наибольшей полнотой составить жизнеописание великого поэта: недостаток фактических данных не покрывался известным документальным материалом, и уже в XIX веке существовала практика использования текстов Пушкина для заполнения «белых пятен» в его биографии. Так, например, автор первого жизнеописания поэта П. В. Анненков утверждал: «Известно, что в последние годы своей жизни поэт нередко переводил на вымышленные им лица некоторые черты собственного своего созерцания, подчас даже особенности своего характера, полученные психическим анализом своей личности и духовной природы» [1, с. 246].

Справедливости ради надо отметить и тот факт, что Анненков вовсе не абсолютизировал искренность поэтических признаний Пушкина, проницательно указав на «промах биографов», «подменивающих настоящую реальную жизнь поэта лучезарными абрисами, какими она светится в его сочинениях» [1, с. 211–212]. Таким образом, уже Анненкову было ясно, что применение биографической интерпретации для создания жизнеописания Пушкина нуждается в научно-теоретическом обосновании.

Первую серьезную попытку такого обоснования дал в 1908 г. М. О. Гершензон. Исследователь опирался при этом на предложенный им ме-

тод «медленного чтения» [9, с. 53]. По словам И. З. Сураат, метод Гершензона – это «углубление текста, обогащение его за счет различных контекстов, это чтение “заново”, в процессе которого читатель входит во все смысловые оттенки и все связи слова, входит в самый процесс творчества» [6, с. 32]. Применяв этот метод к изучению пушкинских произведений, Гершензон пришел к следующему выводу: «Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, – надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину» [9, с. 53].

Комментируя этот фундаментальный для пушкинистики Гершензона методологический принцип, Сураат заявляет, что исследователь «говорил не о буквальном, а о “глубоком автобиографизме”, о личной внутренней наполненности пушкинских тем: “...Лучшие его вещи глубоко автобиографичны, т.е. зачаты им в страстных думах о его собственной судьбе, когда его личное недоумение, созрев, открывалось ему как загадка универсальная, когда он постигал вселенский смысл своего личного и частного дела”» [6, с. 34].

Опираясь на процитированный пассаж из статьи Гершензона «Моцарт и Сальери», Сураат попыталась реабилитировать предложенную ученым концепцию пушкинской «глубокой автобиографичности», поскольку, с точки зрения исследовательницы, она неверно трактовалась как декларация абсолютного пушкинского автобиографизма. Гершензон же, по мнению Сураат, понимал под «глубокой автобиографичностью» только включение в объективированный сюжет мыслей и чувств автора, отражавших определенный момент его духовной биографии. Однако, если бы Гершензон отчетливо обозначил направленность своей методологии на реконструкцию именно духовной, а не событийной биографии Пушкина, она бы не вызвала возражений, тем более что будущий оппонент Гершензона П. Е. Щеголев еще в 1904 г. выразил надежду на то, что «когда-нибудь мы будем иметь биографию поэта, – не фактическую только историю внешних событий его жизни, а историю движений его души, ее жизни» [12, с. 266]. В действительности Гершензон ставил перед своей методологией задачу воссоздания не только духовной, но и реальной биографии Пушкина, для чего был готов использовать «весь тот обильный биографический материал, который заключен в самих стихах Пушкина» [9, с. 53]. Не удивительно поэтому, что ученого стали воспринимать как ревностного защитника идеи об абсолютном автобиографизме пушкинского

творчества, а практическое применение им в биографических исследованиях собственной методологии стало предметом длительной дискуссии в отечественном литературоведении.

Самую широкую поддержку Гершензону в ходе этой дискуссии оказал его верный последователь В. Ф. Ходасевич, подчеркивавший в начале 1920-х гг., что «Пушкин автобиографичен насквозь» [10, с. 14] и что «едва ли не во всех пушкинских героях заложено многое от самого Пушкина» [10, с. 146].

Еще одним сторонником тезиса об абсолютной автобиографичности Пушкина в первые годы советской власти выступил В. Я. Брюсов. Например, в 1919 г. он писал: «Лицейская поэзия, как и вся поэзия Пушкина, правдива до последнего предела; в ней нет ничего выдуманного, притворного. Пушкин говорит лишь о том, что есть и что было, что он видел, что он пережил» [2, с. XLV].

Теперь обратимся к противоположной точке зрения на проблему пушкинского автобиографизма. Еще в 1911 г. принцип пушкинской «глубокой автобиографичности» был критически оценен П. Е. Щеголевым. Этот исследователь широко использовал биографический подход к творчеству Пушкина, и в этом отношении был единомышленником Гершензона. Однако, как справедливо заметила Я. Л. Левкович, «субъективизму Гершензона» Щеголев «противопоставлял строго точные изыскания, основывающиеся на тщательно выверенных фактических данных» [5, с. 283]. Возражая Гершензону, провозглашавшему, что Пушкин «необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова», Щеголев писал: «Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина в его поэзии? Если она означает, что переживание, выражение которого находим в поэзии, было в душе поэта, то такое мнение, конечно, можно принять, но какое же остается за ним руководственное значение для биографов? Их задачей являются разыскания в области фактической жизни поэта, которые должны выяснить удельный вес всякого переживания в ряду других. Вот тут и начинаются долгие споры, при которых придется привлекать фактические данные» [9, с. 92–93].

Справедливость этого суждения заключается в том, что Щеголев принципиально увидел порочную совмещенность гершензоновского принципа «глубокой автобиографичности» с принципом абсолютного автобиографизма и тем самым подчеркнул неприемлемость методологии Гершензона для биографических исследований.

Еще более последовательно, чем Щеголев, эту методологию за крайний субъективизм осудили Г. О. Винокур и Б. В. Томашевский. Винокур, например, в 1924 г. утверждал, что «вопрос... о литературном памятнике как источнике биографии... должен быть решен отрицательно, поскольку литература понимается нами не только как исторический документ, но и как предмет искусства, эстетический, обладающий в силу этого бытием фиктивным и условным, а потому и не могущий служить материалом исторических исследований» [4, с. 13]. Несколько менее категоричной была позиция Томашевского, который, не отрицая самой возможности использования лирических признаний в качестве биографических источников, писал в 1925 г.: «Лирика вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь ненадежный материал». «Лирика намечает вехи для биографической гипотезы, придавая ей – правда очень малую в самой себе – вероятность. Дело побочных доказательств определить степень этой вероятности, т.е. обнаружить или явный вымысел или достоверность» [7, с. 50–51].

В том же 1925 г. бескомпромиссным противником того понимания пушкинского автобиографизма, которое предложил Гершензон, выступил В. В. Вересаев. Еще в статье «К психологии пушкинского творчества» (1923) он указал на такую особенность психологии творчества Пушкина, как постоянное «несоответствие между его жизненными переживаниями и отражениями их в его поэзии» [3, с. 268]. Эту неспособность Пушкина к «художественной объективации непосредственной своей жизненной боли и радости» [3, с. 195], эту его, как правило, сдвинутую во времени и не вполне адекватную художественную реакцию на впечатления жизни Вересаев считал следствием двойственной природы поэта. Другое проявление данной двойственности в пушкинском творчестве было обстоятельно исследовано Вересаевым в статье «Об автобиографичности Пушкина» (1925).

Ощущая чрезмерную категоричность вышеприведенного высказывания, Вересаев признал существование у Пушкина ряда стихотворений, «загадочных вследствие своей автобиографичности» [3, с. 217], таких, например, как «Воспоминание». Однако сам факт наличия у Пушкина подобных произведений не отменяет общего недоверия исследователя к утверждению Гершензона о «необыкновенной правдивости» Пушкина, поскольку, как утверждает Вересаев, «там, где Пушкин автобиографичен, не только нет возможности использовать эту автобиографичность в биографических целях, а

как раз наоборот, нужно еще на стороне разыскивать биографические данные, которые хоть сколько-нибудь понятными сделали бы для нас загадочные автобиографические намеки Пушкина» [3, с. 229].

Исходя из этих заявлений, Вересаев и подверг критике методологию Гершензона, указав на ее «совершенно догматический характер» [3, с. 199]. Эта резкая оценка была вызвана тем, что Вересаев близоруко отождествил принцип «глубокой автобиографичности» с принципом абсолютного автобиографизма. Пищу для такого отождествления давали сами гершензоновские изыскания в области биографии Пушкина, отличавшиеся крайней доверчивостью к лирическим признаниям поэта. Кроме того, идеи Гершензона были вульгаризованы в работах его последователей, что принесло вред пушкиноведению. Именно эта ситуация вызвала полемическую заостренность выступления Вересаева, объясняющую, как нам кажется, намеренно однобокое понимание исследователем принципа «глубокого автобиографизма».

Вересаев, в частности, имел в виду то обстоятельство, что ученик Гершензона В. Ф. Ходасевич, будучи априори уверен в автобиографичности пушкинской «Русалки», попытался вычитать из этого произведения информацию о перипетиях так называемого «крепостного романа» поэта, который из-за отсутствия необходимого документального и мемуарного материала считался «белым пятном» его реальной биографии периода ссылки в Михайловское. Обнаруженные П. Е. Щеголевым документы, проливающие свет на историю взаимоотношений Пушкина и его крепостной возлюбленной Ольги Калашниковой, как известно, показали абсурдность гипотетических построений Ходасевича [8, с. 262–263]. Итак, Ходасевич, слишком прямолинейно и прагматично используя открытый Гершензоном принцип «глубокого автобиографизма», дал повод Вересаеву обвинить обоих исследователей в «декретировании абсолютной автобиографичности Пушкина» [3, с. 200], а по сути – в примитивном биографизме.

По иронии судьбы Вересаев, так много сделавший для борьбы с издержками биографизма в литературоведении, сам вошел в историю пушкинистики как один из представителей «примитивного биографического метода». Однако это обвинение, исходившее от Я. Л. Левкович, несправедливо, ибо Вересаев предельно точно изложил свою позицию по поводу пушкинской автобиографичности: «Пушкин так часто является неавтобиографичным – и в передаче отдельных впечатлений, и в передаче основных своих

настроений, и даже в выявлении настоящего своего характера и темперамента, – что пользоваться его поэтическими признаниями для биографических целей можно только после тщательной их проверки имеющимися биографическими данными, и лишь постольку, поскольку эти данные их подтверждают. Иначе говоря, пользоваться ими можно только в качестве иллюстраций, а никак не в качестве самостоятельного биографического материала. Распространенный обычай конструировать настроения и факты жизни Пушкина на основании поэтических его признаний должен быть признан недопустимым и совершенно ненаучным» [3, с. 231].

Между тем, подвергнув критике Вересаева, Левкович выступила с поддержкой позиции Томашевского по вопросу об автобиографичности Пушкина [5, с. 285]. Однако если сопоставить выводы Вересаева и Томашевского, то очевидным станет сходство их взглядов на данную проблему. Это сходство даже может показаться удивительным, если не знать, что, работая над своей статьей, Вересаев успел ознакомиться с книгой Томашевского [3, с. 230], а сам Томашевский, споря с Гершензоном, сочувственно цитировал статью Вересаева «К психологии пушкинского творчества» (1923) [7, с. 48].

Итог развернувшейся в СССР полемики о пушкинском автобиографизме подвел в 1936 г. Г. И. Чулков. Полностью разделяя позицию Томашевского, Чулков писал: «Его (Пушкина. – Д. Ч.) поэзия автобиографична – не в том смысле, как думал покойный М. О. Гершензон, который искал в каждой строке Пушкина буквальную записи повседневной жизни, а в том смысле, что почти все произведения поэта были прямым следствием его собственного жизненного опыта. В их сюжетах нет надобности, конечно, искать точных житейских аналогий, но поэтические признания Пушкина никогда не были плодом отвлеченных мечтаний. Пушкин был великий реалист. Однако было бы ошибкой придавать чрезмерное значение угадыванию, например, к какой женщине относится пьеса “Заклинание” или какое-нибудь другое стихотворение, потому что смысл и ценность лирического признания всегда в конечном счете уводит и поэта и нас, читателей, далеко за пределы конкретного факта» [11, с. 19].

Итак, к юбилейному 1937 году в советском литературоведении относительно автобиографизма пушкинского творчества сложилась вполне определенная позиция, утвержденная как трудами академических ученых, так и работами популяризаторов, к числу которых принадлежали Вересаев и Чулков.

Этой позиции отечественное пушкиноведение придерживалось до самого последнего времени, поскольку в академической коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения» (1966) доводы Томашевского представлены как канонические [5, с. 285].

Литература

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Мн., 1998.
2. Брюсов В. Я. Детство и отрочество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / под ред. В. Брюсова. Т. 1. Ч. 1. М., 1920. С. XXIII–XLVI.
3. Вересаев В. В. Загадочный Пушкин. М., 1996.
4. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997.
5. Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
6. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
7. Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990.
8. Томашевский Б. В. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина... // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263.
9. Утаенная любовь Пушкина: сб. ст. СПб., 1997. С. 53.
10. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.
11. Чулков Г. И. О биографии Пушкина // Книжные новости. 1936. № 21.
12. Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М., 1987.

УДК 821.161.1

Чжан Цзинна (г. Киров)

Вятский государственный университет

Природа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании»

В настоящей статье рассматривается роль пейзажа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании». Картины природы в романе иллюстрируют определенное душевное состояние героя, обрамляют линию повествования. Также в романе находят отражение ранние идеи Новикова о единстве человека и природы, включенности человека в мироздание.

Ключевые слова: пейзаж, природа, образ Пушкина, вдохновение, эмоциональное состояние, смысловая наполненность, символика цвета

До XVIII века пейзаж в художественном произведении выполнял роль фона, на котором происходили события. Его назначение сводилось к тому, чтобы «информировать читателей, когда и где происходят события, на каком свете мы, так сказать, находимся» [1, с. 595]. Постепенно пейзаж приобретает смысловую наполненность. В XIX веке описания природы уже не зависят от жанровой и стилевой принадлежности произведения; пейзаж в литературе XX века становится одним из средств передачи настроения, эмоционального состояния персонажей.

Пейзаж всегда занимал особое место в творчестве И. А. Новикова, так как его жизнь, начиная с раннего детства, была неразрывно связана с природой. В автобиографии он пишет: «Самые начальные воспоминания мои растворяются в зелени лета <...>. А радость весны? <...> Очарование зимней деревни не уступает прелести лета...» [3, с. 348]. Любовь к природе, особенное ее восприятие зарождается на родине писателя – в селе Ильково. Близость к земле накладывает определенный отпечаток на все творчество.

Исследователь Я. В. Волков называет Новикова мастером одухотворенного пейзажа. В ранних произведениях автора – по преимуществу выполненных в русле символизма – пейзаж всегда наполнен неким тайным смыслом, зачастую тесно связан с религиозными идеями. Так, особое значение имеют образы дня, ночи, весны, осени. Исследователь О. А. Попова отмечает, что день – «время торжества в мироздании сил добра, света и любви» [5, с. 197]. Ночное время символизирует темное начало. «Образ весны символизирует в произведении светлую пору любви, цветения, близости души к небу» [5, с. 197]. Осень же – время увядания. Пейзаж позволяет активно использовать символику цвета в произведениях. Голубой, белый, зеленый, розовый, золотой цвета «передают состояние наибольшей близости души к небу» [5, с. 199].

Особенно четко прослеживаются символистские идеи Новикова в его поэтических произведениях. Ранние стихотворения И. А. Новикова близки поэзии А. А. Блока: здесь также появляются некие создания природы, стремящиеся к единению с человеком. Языческие идеи соседствуют у Новикова с христианскими. Часто в стихотворениях прослеживается мотив воды как возрождения, очищения. Человек уподобляется дереву, корни которого глубоко в земле, а ветви тянутся к небесам. В поэзии Новикова природа «тиха, нежна и печальна» [2, с. 13], здесь нет крайностей. Природа у Новикова за-

частую олицетворяется, уподобляется живому существу. «В романе мы чувствуем эту новиковскую любовь к природе» [7, с. 128].

Идея романа о Пушкине возникла у Новикова во время поездки в Михайловское. Первое, на что автор обращает внимание, – это природа, на что и указывает в автобиографии: «Тот самый пейзаж, тот самый воздух, та самая земля под ногами, такие же запахи хвои и почвы, та же свежесть воды и бегущего на ней ветерка» [3, с. 354]. Во время поездок по пушкинским местам – в том числе и по местам южной ссылки – писатель накапливает впечатления, чтобы впоследствии воссоздать картины природы в романе.

В дилогии Новиков любит окружающую природу, дает подробные ее описания. Он умело делает акцент на деталях, порой незаметных, незначимых. Южная природа – величественная и безмятежная. Простор степи и моря становятся символом внутренней свободы, которую обретает поэт в изгнании. Ср.: «Южные степи однообразны, но не скучны. Как хороша эта поездка! Да – вдоль дороги везде молочай и полынь, ромашка, цикорий, но как же красив и простой серебристый ковыль, когда он под ветром стелет свои переливные легкие волны. Сверчки и кузнечики; трепетание бабочек – воздушных цветов; пчелы, шмели; чибисы; суслики» [4, с. 17]; «Но вот они уже и кончились – узкой полоской на горизонте сверкнуло Азовское море. Оно не было издали синим и бурным, казалось, спокойно дремало оно, полеживая у берегов, пригревшись на солнце, сизое, дымное, с перламутровым отсветом отражавшихся в нем облаков» [4, с. 22].

Возвращение на родину становится воссоединением с русской природой, возвращением к юности. Ср.: «Дорога шла в гору, и Пушкин не вытерпел, прыгнул на ходу. Он подбежал и потряс серенький ствол. Несколько желтых плавных кружков, колыхаясь, упало на землю. Пушкин серьезно следил это падение. Потом его взгляд скользнул за опушку, в глубь леса, и он увидел отличную кочку, густо покрытую пышным игольчатым северным мхом. Мох был как детство: и зимою за окнами на пушистых валиках ваты, и весеннею ростепелью по мочажинам в лесу. Брови расправились; ему стало весело, беспричинно легко. Бездумно сложил он ладони у рта и гукнул совой, произведя переполох между мелкими пташками» [3, с. 26–27].

Определенный пейзаж у Новикова часто сопровождает соответствующее душевное состояние: «Берег уныл и безлюден, а самое море? – узкий рукав, побледневший и выцветший: кажется, можно его просто перебрести...

И невольно туманом ложилась на душу унылость» [4, с. 56]. «...Киев его пленял. Пленял и своей красотой, могучим Днепром, закованным в латы зимы крутыми горами, вековыми дубами и липами, и красавицей тополью, как тут называли нежно – по-женски...» [4, с. 180].

В романах дилогии находит отражение идея автора о единстве человека и природы, о включенности человека в мироздание. Ср.: «И человек, как и все живое вокруг, совершал свой размеренный каждодневный путь, и самая приподнятость, даже и возбуждение уже гармонично вздымались, находя свое место, как холмы между долинами созерцания и покоя; душевные ритмы мысли и чувства находили свое ладное соответствие с окружающим миром» [4, с. 29]; «Но что может быть веселее: быть молодым, вымокнуть на дожде и сохнуть на солнце! Так делают все: птицы и звери, травы, деревья...» [4, с. 80]. Пейзажные зарисовки часто встречаются в тексте, как бы обрамляя линию повествования, дополняя ее. Новиков проводит параллели между природными событиями и жизнью людей: так, он сравнивает бой горных баранов с дуэлью. Ср.: «...они наконец все же расцеплялись и расходились на некоторое время на одно и то же, как на настоящей дуэли, расстояние...» [4, с. 92].

В дилогии представлены все времена года, и каждое писатель представляет по-разному. Осенняя пора – время для размышлений: для напряженных мыслей и неторопливых раздумий. Зима, белый снег, морозный воздух символизируют возрождение, обновление. Ср.: «Чистый и девственный снег ровною пеленой покрывал все окрест. <...> Пушкин присел на подоконник и долго глядел на открывающуюся перед ним новую даль» [3, с. 163]; «Сквозь поредевшую чашу, как приближаешься к дому, издали виден кухонный дым, высоким столбом разрезающий воздух. Долгие звуки были хрустальны и медленны, они пролетали над озером, как неспешные птицы. Небо неярко, задумчиво, но задумчивость эта – явно о снеге» [3, с. 105]; «И как освещался весь дом, когда он входил с опушенными белым морозом бакенбардами, внося с собою свежесть зимнего воздуха и веселую шутку!» [3, с. 170].

Весна – пора пробуждения жизни. Ср.: «Весенняя талая ночь полна была невидимой жизни, движения вод» [3, с. 215]. Ранняя весна – солнечная, но спокойная. Писатель говорит еще о «кудрявой и шумной весне, с которой Пушкин плохо справлялся и которая уводила его от работы» [3, с. 202];

«Весна между тем продолжала тревожить и угнетать, и от одних этих своих ощущений впору было бежать из принудительного родительского гнезда» [3, с. 229]. Лето – пора зноя, страстных чувств. Ср.: «Так и пошли, один за другим, эти то солнечно жаркие, то тепло дождливые <...> дни» [3, с. 242]. Главный герой романа ассоциируется с летом. Ср.: «Пушкин на этом северном фоне был особенно ярок. Казалось, что знойное лето и юг <...> дышали сквозь его смуглую кожу» [3, с. 121]. На страницах диалогии представлено северное лето и лето на юге. Южная природа волнует героя. Ср.: «И в самой природе <...> был чудный беспорядок могучих порывов, застывших в минуту высокого напряжения. Все в ней было полно силы и страсти...» [4, с. 28].

В природе герой находит успокоение. Ср.: «Ветерок пробежал, чуть щекоча, по коротким его волосам. Эта прохлада очень приятна, в ней свежесть и бодрость; нельзя унывать» [4, с. 119]. Природа становится для главного героя источником вдохновения. Ср.: «...летняя ночь с пахучей и свежую своей широтой, и одинокий собственный шаг по дороге, и это сиянье луны, разлитое в травах, – все это было как чистое гармоническое вдохновение – без стихов и бумаги, но разлитое вольно окрест по всей прекрасной земле, и такое свое, как биение сердца в груди» [4, с. 241–242]; «Он то писал, то, бросая перо, подпирал обеими руками голову и глядел в открытое окно» [4, с. 81]. Морские волны сравниваются с поэтическими строчками; под «голос моря» [4, с. 62] создаются стихотворения. Ср.: «И в самой природе, по первому взгляду, был чудный беспорядок могучих порывов, застывших в минуту высокого напряжения. Все в ней было полно было силы и страсти, и все эти изломы, углы каждой отдельной горы были похожи на черновик какой-то горячей и бурной поэмы, волнующей уже одной этой своею незавершенностью» [4, с. 28]. Зимняя природа Михайловского тоже вдохновляет поэта. Ср.: «Дни идут за днями. Осень дышит в стекло по утрам, и струйки холодной воды сбегают прерывисто, судорожно: похоже на слезы. Но позднее солнце наводит порядок: дали опять прозрачно светлы и легки облака. Так и хмурость в душе сменяется творческой ясностью» [3, с. 71]; «Шла осень – пора, когда Пушкину особенно крепко работалось; пора, когда жаркое лето сменялось уже предвкушением мороза; так было и у него: уже была на пороге тишина одиночества, исполненная буйной внутренней жизни. И на грани этих двух стихий, сопутствующих всякому творчеству – внутреннего огня чувства и мысли и холодного ясного мастерства, – было похоже на то, как

поначалу отпотевают стекло, позже, в дыханье мороза, давая уже и узоры тропических знойных цветов» [3, с. 117].

Через пейзаж автор выражает также свои идеи, выводит определенные мотивы, которые находили отражение и в его раннем творчестве. Появляется мотив пути как символ течения жизни: так, Мария Раевская смотрит на «рыжую каменистую дорогу» [4, с. 78], утверждая, что эта дорога – ее. Дерево с кривыми корнями подобно человеку и его родственным связям. Ср.: «Кое-где корни берез, мокрые, черные обнажались клубками, налезая один на другой, как переплетенные пальцы. <...> это было как суровое, темное время, как сплетение событий, как предки...» [3, с. 96].

Можно проследить символику цвета. Ср.: «Едва уловимая августовская желтизна разлита была в воздухе. Розовые легкие облака летели над розовым своим отражением, но самые воды реки были, казалось, неподвижны» [3, с. 37]. Здесь, как и в раннем творчестве, розовый, желтый (золотистый) символизируют гармонию, близость к Богу – не случайно этот отрывок предваряет рассказ об Анне Вульф, жизнь которой сравнивается писателем с течением реки Сороть.

Мотив воды, влаги также по-разному реализован в романе. Это спокойная озерная гладь, быстрое или, напротив, неторопливое течение рек, морозящий дождь или смывающий все ливень. Ср.: «Град бил ему в лицо, волосы смокли, холодные капли скатывались за шею, но от этого было только еще веселей»; «Эта гроза пронеслась как ураган. Наутро умытое небо блистало такую глубокой, такую девической чистотой, что улыбались уже решительно все» [4, с. 27]. Главный герой в этой сцене как бы сливается со стихией, становится ее частью, что позволяет проиллюстрировать его живой, энергичный характер. Ср.: «Вечеру среди ясного неба появились тяжелые темные тучи. Возникли они как бы из ничего и тотчас же стремительно понеслись навстречу друг другу, сами на себя громоздясь, погромыхая. Сразу земля затаилась, притихла, лошади беспокойно прядали ушами. И вдруг прокатился по небу оглушающий рокот; молнии взбороздили одновременно во многих местах; земля под блистанием их лежала обмершая, иссиня-фиолетовая, и сразу же на нее ринулся дождь, смешанный с градом... Ветер завыл, закрутил и забился, и в наступившей вдруг темноте небо, земля стали неразличимы» [4, с. 27]. Как и в раннем творчестве, природа у Новикова в романе – не разрушающее начало, а прекрасная в своем величии стихия.

Исследователь Т. М. Яковлева проводит параллель между образом Пушкина и мотивом солнца, солнечного света, который неоднократно появляется в романе. Данный мотив помогает передать «присущую ему [Пушкину] жизнерадостность, его полное до самозабвения умение отдаться мгновению, жить настоящим» [6, с. 129].

Пейзажные зарисовки в дилогии многочисленны и разноплановы. Посредством картин природы реализуются различные мотивы, которые появляются в раннем творчестве писателя. Пейзаж не только обозначает место действия, но и помогает раскрыть внутренний мир главного героя. Поэт находится в состоянии гармонии с окружающей природой, оказывается включенным в круговорот жизни, что позволяет сделать его образ более ярким, выразительным, глубоким.

Литература

1. Баева Н. А. Интертекстуальная сущность ландшафтных описаний в художественном тексте: на материале английской прозы. Кемерово: Интеллект, 2006. С. 594–600.
2. Михайлова М. В. И. А. Новиков: грани творчества. Орел: Изд. дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), 2007. 232 с.
3. Новиков И. А. Пушкин в Михайловском: роман / послесл. М. Новиковой-Принц. М.: Сов. Россия, 1986. 368 с.
4. Новиков И. А. Пушкин на юге. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. 382 с.
5. Попова О. А. Образ дворянской усадьбы в рассказе И. А. Новикова «Петух» как арена мировой борьбы добра и зла // Лесной вестник. 2006. № 6. С. 197–201.
6. Яковлева Т. М. Образ поэта: Пушкин в историческом романе И. А. Новикова. Тбилиси: Заря Востока, 1962. 132 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных граждан, Курский государственный университет (г. Курск)

Борисова Вилена Петровна – старший преподаватель, Якутская государственная сельскохозяйственная академия (г. Якутск)

Буженинов Александр Эдуардович – кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Булатова Анна Михайловна – студентка Института иностранных языков (науч. рук. – к. ф. н., доц. А. Э. Буженинов), Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

Героева Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры режиссуры и мастерства актера, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург)

Грудева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ставропольский государственный аграрный университет (г. Ставрополь)

Губанов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, Международный институт рынка (г. Самара)

Ковалевская Светлана Александровна – ассистент, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень)

Кузьменко Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Ню Анна – аспирант кафедры русского языка (науч. рук. – д. ф. н., проф. О. Г. Ревзина), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва)

Петухов Виктор Дмитриевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы (науч. рук. – д. ф. н., доц. Д. Н. Черниговский), Вятский государственный университет (г. Киров)

Редькина Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, Кировская ЛСЭ Минюста России (г. Киров)

Светлова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Вятский государственный университет (г. Киров)

Цзян Янь – выпускница магистратуры кафедры русского языка как иностранного (науч. рук. – к. ф. н. О. В. Редькина), Вятский государственный университет (г. Киров)

Чжоу Хан – магистрант кафедры русского языка как иностранного (науч. рук. – к. ф. н. О. Ю. Светлова), Вятский государственный университет (г. Киров)

Черниговский Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Вятский государственный университет (г. Киров)

Чжан Цзинна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы (науч. рук. – д. ф. н., доц. Д. Н. Черниговский), Вятский государственный университет (г. Киров)

**На пересечении языков и культур.
Актуальные вопросы гуманитарного знания**

Научно-методический журнал

№ 1(10) 2018

Ответственный редактор – *О. В. Редькина*

Компьютерная верстка *Е. А. Смирновой*

Подписано в печать 05.04.2018 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,3.

ISSN 2413-6018

